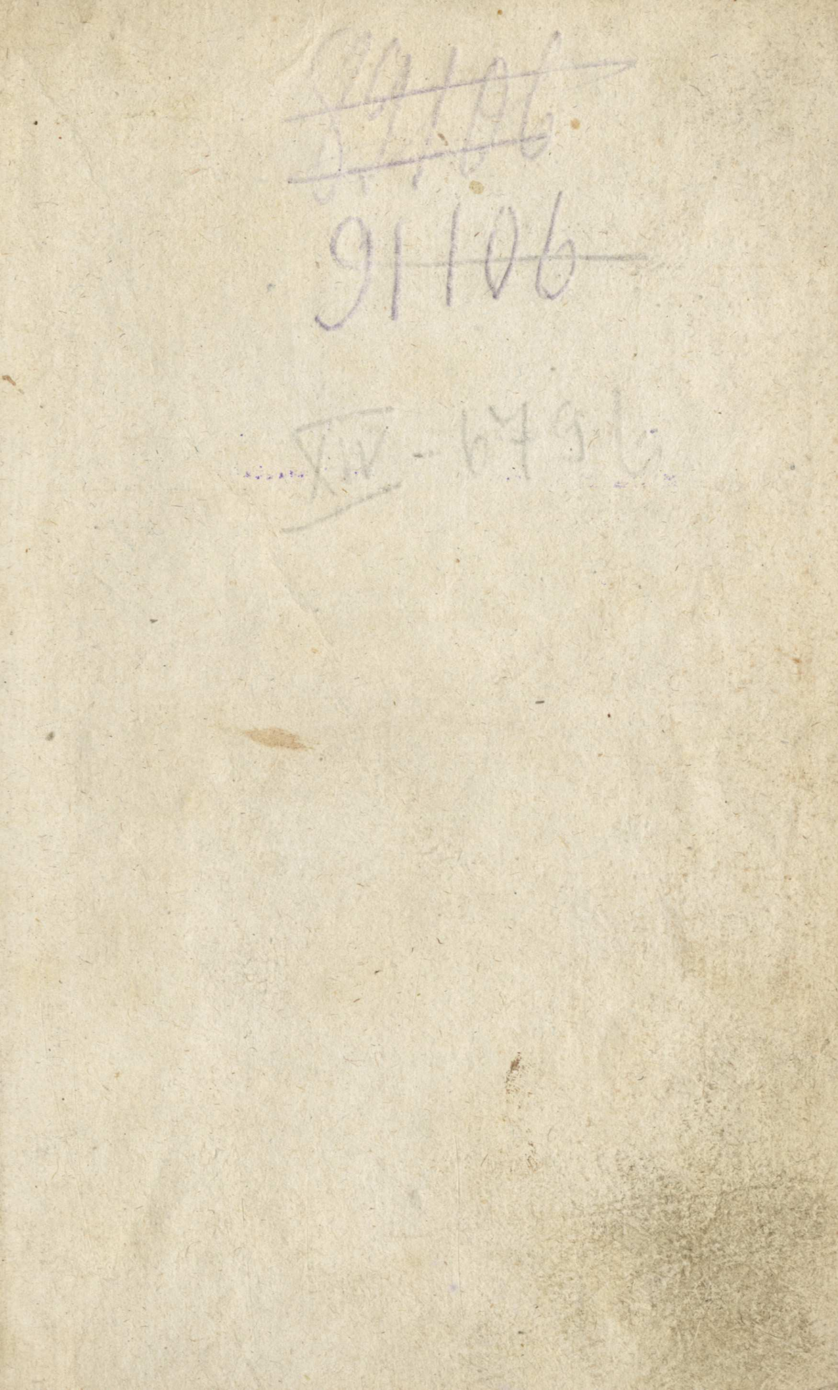

91106
91106

СИДНЕЙ
И
ВОЛСАНЪ,

АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Изъ сочиненій Господина д' Арнольда.

МОСКВА.
Въ Типографіи Селивановскаго и товарища.
1794.

Съ Указнаго дозволенія.

Милостивѣйшая Государыня!

Давно уже жаждетъ душа моя предъ цѣлымъ свѣтомъ обнажить тѣ чувства наиживѣйшей благодарности и преданнѣйшей приверженности, коими она преисполнена къ дражайшей для меня особѣ вашей; но не имѣвъ къ сему средствъ, предъ малымъ числомъ людей, коимъ трафится имѣть книгу сїю въ рукахъ, учиню признательность мою явною, и хотя слабо, но воздамъ, по возможности силъ весьма недо-

статочнаго познанія моего, достодолжную справедливость рѣдкимъ качествамъ вашимъ. Безпримѣрная чувствительность къ страждущему человѣчеству, бдительность къ услажденію слезной доли неимущихъ, имѣвъ счастіе быть очевидною сему свидѣтельницею, и относящіеся собственно ко мнѣ самой отличные знаки благосклонности вашей, все оное возбудило во мнѣ желаніе переложить на Россійской языкъ по-

вѣсть Сиднея и Волсана, тѣмъ наиревностнѣйше, что въ Сиднеѣ нашла Васъ, а въ Волсанѣ себя; и осмѣливаюсь увѣрить Васъ, Милостивая Государыня, что и моя признательность ни мало не уступаетъ Волсановой. Онъ воздвигнулъ храмъ для воздаянія благодарности, и нарекъ его мѣстомъ благотворенія дружбы: подобной сему храмъ воздвигнутъ во внутренности сердца моего, сердца исполненнаго дочерьнею

къ нѣжности вашей горячностiю, которое всѣмъ сокровищамъ вселенной предпочитаетъ ваше дружество. Всѣ мои чувства упоеваются симъ толико усладительнѣйшимъ для нихъ ощущенiемъ. Не буду приносить здѣсь извиненiя въ недостаткахъ перевода моего; благосклонные читатели великодушно простятъ погрѣшности мои, какъ мало свѣдущей прiятности слога Россiйскаго языка, такъ и потому что единственная

цѣль моя была, упражняяся для провожденія времени въ переложеніи повѣсти сей, учинить занятіе мое для меня пріятнымъ, и не изъ тщеславія предаю тисненію, подвергая погрѣшности порицанію съ твердостію духа; но дабы токмо прославить Героевъ сей повѣсти и Героиню сердца моего, помѣстивъ имя сострадательницы страждущаго человѣчества въ заглавіе книги, толико приличной имени сему. Позволь-

те, Милостивая Государыня, посвятить Вамъ первые опыты слабыхъ трудовъ моихъ, и ласкать себя, что оные съ снисхожденіемъ приняты будутъ моею милостивицею: ей единственно пылаетъ угодить сердце нелицемѣрно преданное

Милостивая Государыня,

всепокорнѣйшей слуги вашей

С. Ф.

СИДНЕЙ и ВОЛСАНЪ,

АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Былъ я на сихъ дняхъ по обыкновенїю моему въ кофейномъ домѣ Вилгельма. Истоща весь разговоръ въ разныхъ политическихъ материяхъ, разсуждая постепенно о требованїяхъ поселенїй нашихъ Новаго Свѣта, и изыскивая средства согласить интересы наши, доставляя миръ Европѣ, начали говорить о Философiи и Философахъ. Иные держали сторону Баккона, какъ прежде всѣхъ вошедшаго въ исполненной кривизнами путь наукъ, и коего оставилъ намъ нить; другїе были на сторонѣ Локка, какъ единаго умствователя, снискивающаго прямо истинну; а еще другїе были съ стороны Кларка, Невтона; число прилѣпленныхъ къ сему послѣднему было величайшее; клони-

лись довольно согласно почитать его героемъ мудрецовъ Великобританіи. Онъ былъ творителемъ Системы, принятой почти всѣми націями; его Историческая Хронологія имѣла ревностныхъ соучастниковъ. Вотъ какъ добрая слава предубѣдительна! Не можно ли бы уподобить слабости сего великаго мужа пятнамъ, на сонлцѣ бывающимъ? Блескомъ свѣтила сего они изчезаютъ, а единое токмо сіяніе его поражаетъ. Одинъ толстой человѣкъ, которой слушалъ насъ съ нѣкоимъ страннымъ равнодушіемъ: и душилъ насъ густымъ дымомъ, кладетъ спокойно трубку свою на столъ, и сказалъ намъ съ важнымъ видомъ: Государи мои, вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о премудрости и Философіи. Какъ! воскликнули мы совокупно. Такъ, продолжалъ онъ безъ смущенія. Мой Философъ не имѣетъ ни пышности, ни тщеславія; онъ жаждетъ только дѣлать добро себѣ подобнымъ; не завидуетъ всеконечно тщетной славѣ устпыхъ меч-

шателей, коихъ вся ничшожная надменность занимаешся соплешать вымышленныя шворенія учености. Добродѣшели, Государи мои, добродѣшели, всевозможное благодѣшельсшво, а не груды книгъ! Мы преисполнены сими глупосшями, сими шворенїями, шисненїемъ разумноженными! Пускай Исаакъ Невшонъ будешъ великой человѣкъ; пускай осшровъ нашъ гордишся, чшо онъ мѣсшомъ рожденїя его; я всѣмъ сердцемъ согласенъ и никакъ не оспориваю шоль справедливую похвалу: но я знаю человѣка, кошорой можешъ назващься больше его великимъ.

При окончанїи сихъ словъ, берешъ опяшь свою шрубку, и начинаешъ куришь съ шакимъ же важнымъ видомъ. Послѣднїя его слова возбудили во всѣхъ нѣкошорое ропшанїе: есшь человѣкъ больше Невшона! кшожъ эшо, шоль рѣдкой смершной? Подходяшъ къ куришелю шабаку, и одинъ изъ сообщесшва нашего просишъ его вѣжливо сказашь намъ, кшо шакова ша уди-

вительная тварь, превышающая Философа сего, славу Аглинскаго народа. Охотно скажу вамъ, я весьма радъ, когда всенародно воздаютъ похвалу добродѣтели: она не имѣетъ иной награды, какъ уваженїе; и такъ надлежитъ не упускать ни единаго случая платить ей долгъ, которой неблагодарное безмолвїе похитило бы у нее. Впрочемъ число хорошихъ примѣровъ толь ограничено, что не возможно никакъ довольно обнаружить ихъ . . . . Я не сомнѣваюсь, чтобы мой мудрецъ также не былъ и вашимъ . . . . Гей, слуга, подай намъ бутылку вина порто; надобно, Государи мои, умягчить разговоръ.

Простодушїе сего удивительнаго человѣка склоняетъ насъ ко вниманїю рѣчи его; онъ оказывалъ внѣшностїю своею и поступками нѣкоторое сходство съ столь достойнымъ Кавалеромъ Рожеръ де Коверлей, однимъ изъ наиважнѣйшихъ особъ: мы всѣ посѣли около его, и понуждали его начать свою повѣсть.

ТакЪ, Государи мои, началЪ онЪ, выпивши прежде большую рюмку вина, я ласкаю себя показать вамЪ истиннаго Философа; бываетЪ множество ложныхЪ; они подобны золоту, весьма испорченному своею легатурою. Признательно вамЪ скажу, сЪ нѣкотораго времени я очень утомленЪ, очень наскученЪ всѣми сими учеными вралями и высокоумными ихЪ твореніями: нѣтЪ ни единаго ученика вЪ Камбриджѣ, или вЪ Оксфонтѣ, ни единой женщины, которая бы, разливая чай, не философствовала! Еще повторю разЪ, продолжалЪ онЪ, сильно потрогивая свою трубку: не сочиненіемЪ книгЪ возсіяетЪ добродѣтель, но умноженіемЪ добрыхЪ дѣлЪ учиню я себя полезнымЪ людямЪ, и облегчая ихЪ подЪ игомЪ несчастія, коему мы естественно подвержены, могу заслужить имя ихЪ благодѣтеля: вотЪ титулЪ наизавиднѣйшій.

Рѣчь сія привлекаетЪ наше вниманіе. КакЪ вы меня видите, я читалЪ, какЪ

и прочїе, много важнаго вздору; наполнилЪ свою голову тьмою пышныхЪ ничтожностей, которыя угодно было глупой надменности наименовать знанїями; я также знавалЪ отЪ слабоумныхЪ, которые изо всей силы кричали, что они мудрецы, и кои посредствомЪ важнымЪ и размѣрнымЪ пускали вЪ глаза пузыри, кои я забавлялся давить, дабы лопнувши выпустили духЪ, ихЪ надувающїй. Я былЪ пораженЪ многими грубыми и опасными заблужденїями, кои мнѣ за неложную истинну были предлагаемы, и я испыталЪ, что самые слѣпые предразсудки иногда кЪ благополучїю нашему предпочтительнѣе мнимаго просвѣщенїя Метафизики, которое болѣе зрѣнїе наше ослѣпляетЪ, нежели просвѣщаетЪ.

Я скучалЪ зрѣлищемЪ сколь безразсуднымЪ, столь и глупымЪ, обрѣтая повсюду пустую тщетность, безумную ложЪ, безстыдное шарлатанство, и мнѣнїя еще больше жестокїя, нежели странныя. Проѣхавъ два раза вкругЪ шара земнаго,

повстрѣчался я въ Индіи съ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, именемъ Сиднеемъ. Онъ служилъ въ пѣхотныхъ полкахъ, и при своемъ богатствѣ не имѣлъ жестокости и надменности; былъ человѣкъ весьма простодушной и скромной: можно бы о немъ сказать, что онъ служилъ образцемъ той удивительной особѣ, выдуманной славнымъ нашимъ Ришадсономъ, Кавалеру Градирсону, коего многіе люди почитали твореніемъ вымышленнымъ. Я спѣшилъ свести знакомство съ симъ честнымъ Британцомъ; каждый день открывались о немъ новыя добродѣтели. . . . Мнѣ хочется ускорить начать повѣсть мою, и для того оставляю множество обстоятельствъ, изъ коихъ единое могло бы составить блистательной панегирикъ.

Вотъ похвальныя дѣянія согражданина нашего, такъ какъ я самъ о нихъ слышалъ изъ устъ одного искренняго его друга: а самъ онъ всячески старается скрывать отъ людей благодѣянія свои.

Вы не удивитесь, ежели я перескажу вамЪ ее вЪ самой точности, потому что самЪ своею рукою написалЪ ее. Мнѣ кажется сїе похвальнѣе всѣхЪ подвиговЪ столь прославленныхЪ, вами такЪ названныхЪ героевЪ, АлександровЪ, Кесарей, коими обременяютЪ память безЪ всякой пользы. Я не знаю, когда наши безусталые маральщики бумагЪ, лжецы наемные, или собиратели сумазбродные, удручатся превозносить низость, ложную великость, преступленїе: забвенїю надлежало бы наказанїемЪ быть глупцовЪ и зловредныхЪ.

У насЪ была война вЪ Индїи противЪ одного Нааба; Сидней былЪ вЪ чинѣ изЪ первыхЪ военнослужащихЪ. ВЪ одной встрѣчѣ, гдѣ одержали мы верьхЪ, онЪ замѣчаетЪ межЪ Маратами одного Европейца, которой дрался сЪ бѣшенствомЪ; человѣкЪ сей пустился вЪ нашЪ отрядЪ; онЪ былЪ блѣденЪ, глаза его разбѣгались, весь покрытЪ кровїю, и многихЪ изЪ нашихЪ побилЪ; вЪ то са-

мое время, когда онъ повстрѣчался взору Сиднея, онъ съ яростiю нападалъ на солдата, которой испускалъ уже духъ въ рукахъ его. Толь звѣрской поступокъ возбудилъ въ душѣ Агличанина удивленiе, соразмѣрное негодованiю его; онъ не можетъ увѣриться, чтобы такое варварство было безъ причины; повелѣваетъ взять сего человѣка и привести къ себѣ живаго; кидаются на сего, яростiю пылающаго; съ трудомъ тащатъ его отъ своей добычи, и уносятъ лишеннаго чувствъ, и испуская всю свою кровь, въ палату Сиднея.

Соотечественникъ нашъ подходитъ къ сему звѣрю; онъ находитъ въ немъ образъ благородной и предубѣдительныя черты, изображающiя душу чувствительную. Сидней не могъ согласить такую противность, изъявляющуюся на лицѣ сего незнакомца, съ духомъ ярости, съ какимъ устремился онъ въ сраженiе; приказалъ со всевозможнымъ тщанiемъ перевязать его раны. Несчастной юноша,

воскликнулъ Сидней, смотря на него! возможно ли при толь трогательныхъ чертахъ имѣть душу такъ жестокую, толь варварскую? Отъ чего происходитъ толь противная несходственность?

Перевязали раны плѣннику; онъ открываетъ глаза, видитъ еще свѣтъ, людей, и не въ силахъ раздирать имъ утробы, не въ силахъ истребить весь родъ человѣческой. О Боже мой!

Несчастный сей съ усилїемъ возстаетъ, произнося слова сїи; опять упадаетъ, закрываетъ глаза, и хочетъ сорвать перевяску съ ранъ своихъ. Его не допускаютъ то исполнить, и онъ лишается вторично чувствъ. Возбужденное имъ къ себѣ участїе увеличивается; Сидней повелѣваетъ имѣть о немъ отличное попеченїе, и чтобы увѣдомили его, какъ скоро плѣнникъ образумится отъ усыпленїя, въ коемъ погруженъ былъ. Надобно, сказалъ почтенной нашъ соотчичь, чтобы сей человѣкъ объятъ былъ нѣкою

сильною страстїю, или крайними злополучїями, что человѣческой родъ сдѣлался ему ненавистенъ. Не можетъ быть сердца, которое бы само собою влавалось и не было подвигнуто какимъ либо большимъ волненїемъ къ такой чрезвычайной свирѣпости.

Сидней, влекомый предубѣдительными чувствїями къ незнакомому, обратно къ нему приходитъ. Едва онъ успѣлъ войти, какъ раненой открываетъ умирающее око, и старается вторично изорвать перевяски. Британецъ нашъ, слѣдуя великодушїю своему, удерживаетъ ему руки. Что вы дѣлаете, Государь мой, вы теперь не съ дикими находитесь; Агличане суть человѣки . . . . Человѣки! вскричалъ чужестранецъ въ глубокомъ отчаянїи; человѣки! . . . Они-то тѣ самые чудовища, которыхъ я хотѣлъ бы подавить. Ежели есть въ васъ хотя искра жалости, ежели вы не совсѣмъ подобны львамъ, тиграмъ, не воспрещайте мнѣ окончить дни мои; сїя

есть единая отрада, мною ожидаемая, когда не могу вовлещи во гробъ всѣхъ сихъ вѣроломныхъ смертныхъ . . . . О небеса! скончайте ужасные дни; возьмите отъ меня бытїе, мнѣ несносное . . . Попеченїя ваши, продолжалъ онъ, оборотясь къ великодушному Сиднею, безъ пользы; я найду средство лишить себя жизни при всѣхъ ненавистныхъ вашихъ вспоможенїяхъ.

При сихъ послѣднихъ словахъ опять упадаетъ въ постелю, испуская сильной вопль.

Сїе зрѣлище наиболѣе смягчаетъ Сиднея; онъ прїумножаетъ старанїя свои къ сему несчастному и печется о немъ, какъ бы нѣжной отецъ о своемъ сынѣ. Больной постепенно, и какъ бы противу воли, возвращался къ жизни, и испускалъ тяжкїя воздыханїя; онъ часто проливалъ слезы, слезы, проистекающїя изъ сердца, какъ-то признаютъ чувствительныя души, кои умѣютъ познавать разныя

изъявленія горести; совсѣмъ не такія слезы, какъ тѣ, кои проистекаютъ отъ слабости, или грусти малодушной.

Наконецъ плѣнникъ казался быть тронутымъ великодушными попеченіями нашего соотчича; даже показывалъ себя гораздо спокойнѣе, и взирая на него не столь суровымъ окомъ: какъ! Государь мой, сказалъ онъ ему, вы человѣкъ, а у васъ сердце не желѣзное! Ахъ! повѣрьте . . . не сомнѣвайтесь, чтобы я былъ неблагодаренъ . . . Но, Государь мой, какая ваша надежда сохранять мою жизнь, жизнь, которая для меня есть источникомъ бѣдъ наизлѣйшихъ, наиужаснѣйшихъ! Ахъ, когда я нашелъ существо сострадательное, дайте мнѣ умереть! Изъ сожалѣнія не удерживайте послѣднее мое дыханіе: одинъ остается духъ, которой вручаю Творцу. Какъ! прерываетъ Сидней, взявши съ благосклонностію обѣ руки незнакомаго, вы не хотите любить меня! я Агличанинъ, а вы мнѣ кажетесь Французъ; но для сердца Сиднея

непріятеля нѣтъ ; онъ васъ утѣшитъ. . . онъ другъ несчастныхъ. — Какъ могутъ быть друзья ! . . . . Ахъ , Государь мой! я слишкомъ долго жилъ; душа моя удручена горестію ; вы видѣли меня въ бѣшенствѣ , разъяреннаго, злобствующаго на человѣковъ . . . . Они учинили меня варваромъ ! При сихъ словахъ грудь его орошается потоками горькихъ слезъ ; потомъ промолвилъ : нѣтъ , Государь мой , я не жестокой , не чудовище ; я имѣю сердце ; да, сердце, и сіе то самое казнь моя.

Вторично проливаетъ слезы ; Сидней лобызаетъ его : Ну, молодой юноша, бодрствуй ! душа моя тебѣ отверста : я не сомнѣваюсь , свирѣпость вамъ несвойственна ; вы не безчеловѣчны ; сквозь чрезвычайную ярость усмотрѣлъ я нравъ вашъ ; онъ изображался на челѣ вашемъ среди текущихъ кровавыхъ по немъ слѣдовъ. — Ахъ , Государь мой ! я весьма далекъ отъ того , чтобъ быть безчеловѣчнымъ ; посудите о моемъ отчаяніи :

Они принудили меня забыть самаго себя, забыть природу . . . я самъ себя ужасаюсь. О человѣки, толь недостойные сего имени! . . вы знаете, жестокіе, умѣлъ ли я васъ любить!--Но дражайшей чужестранецъ, гдѣ же вы жили? посредѣ ли чудовищъ лѣсовъ дремучихъ?——О! я бы благодарилъ небеса, ежели бы не имѣлъ инаго сообщества! Да какой же дикой звѣрь страшнѣе человѣка! Я жилъ съ подобными себѣ, съ народомъ наиприятнѣйшимъ, наивежливѣйшимъ, во Франціи, въ Парижѣ.

Сидней нечувствительнымъ образомъ доводитъ его ввѣрить ему горести свои; онъ возстаетъ, поддерживаясь рукою, старается подкрѣпить томной голосъ свой: вы мнѣ, кажется, заслуживаете, чтобы я принесъ оправданіе въ глазахъ вашихъ: познайте же мои несчастія, и посудите тогда, не справедлива ли моя ненависть къ жизни и человѣческому роду.

ВЪ Парижѣ я рожденЪ, а жительствомЪ изЪ провинціи, гдѣ счастіе мало благопріятствуетЪ дворянству: всѣ предки мои служили со славою; отецЪ мой надѣялся найти вЪ столицѣ заслугамЪ своимЪ награду и отличность, которая единая можетЪ польстить и воздать за добродѣтель: пороку надлежитЪ предоставлять пышность и блескЪ золота. ОдинЪ родственникЪ сЪ материной стороны воспротивился наклонности моего родителя кЪ военной службѣ, и склонилЪ его войти вЪ должность, гдѣ пронырства и знаніе обогащаются, и должны быть необходимо достоинствами. Снисхожденіе его весьма было наказано; не довольно того, чтобы пріобрѣсть богатство, даже потерялЪ и то, которое получилЪ отЪ предковЪ своихЪ. ОнЪ обманутЪ былЪ вЪ своихЪ ожиданіяхЪ, и двадцатилѣтнія безпрерывныя превrатности не открыли ему глазЪ. ОнЪ чаялЪ усладить горестное свое состояніе, сочетавшись бракомЪ сЪ дѣвицею весьма бла-

горожденною, которая къ прелестямъ своимъ присоединяла непоколебимую добродѣтель, на добрыхъ правилахъ основанную. Родительница моя съ твердостїю дѣлила злополучную долю отца моего; бодрость духа ея увеличивалась при несчастїяхъ; не такъ надлежало ей бороться съ злополучїемъ, какъ противу дерскихъ искушенїй людей, кои не почитая добродѣтель истинную, полагаютъ, что все должно имъ покоряться, потому что они пользуются довѣренностїю и изобилїемъ. Оба мои братья лишились жизни при сраженїи; родительница моя перенесла потерю сїю: оставалась только одна дочь и я; весьма трудно было родителю нашему насъ воспитывать; даже и скудость начинала угнѣтать насъ.

Я слегка поговорю о первыхъ лѣтахъ моего возраста. Я рожденъ былъ чувствителенъ: вотъ, Государь мой, главной источникъ моихъ злополучїй и горестей. Душа моя изображалась на лицѣ моемъ; она преисполнена была чело-

вѣколюбїемъ, нѣжностїю: пагубной даръ небесъ! Я утверждался во мнѣнїи, что добродѣтель, честь, чувствительность могутъ сдѣлать благополучнымъ; что люди услужливы, готовы утѣшать, вспомоществовать себѣ подобнымъ. Едва я изъ пеленъ вышелъ, какъ уже имѣлъ книги въ рукахъ: вотъ первые мои искусители, которые меня съ пути збили! Коль жестоко я былъ ими обманутъ! Въ семъ-то подложномъ стеклѣ я высматривалъ и познавать учился родъ человѣческой. Читалъ я, что бывали герои, мудрецы, сердца благотворныя, друзья ревностные: однимъ словомъ сказать, человѣки, а духъ мой любилъ питаться сей прїятною мечтою, и упоеваться ею; вѣжливость я принималъ за точное изъявленїе чувствъ; я не могъ мыслить, чтобы уста несходны были съ сердцемъ; все, что мнѣ ни говорили, я принималъ за истинну. Съ таковыми то чувствами и образомъ мыслей входилъ я въ свѣтъ. Мое рожденїе, моя нѣкоторая склон-

ность къ ничтожностямъ, именуемымъ художества, которыя большую часть людей содѣлываютъ слабыми и портятъ природу, а меня напротивъ того укрѣпляли и воспламеняли. Я имѣлъ чрезвычайное желанїе нравиться, и почитать необходимостїю любить даже все, что ни окружало меня, также простодушїе мое: вотъ качества, мною въ общество принесенныя, и я ихъ цѣнилъ нѣсколько. Я тотчасъ всю грубую ложъ въ жизни принялъ за истинну; вдался стремительно мечтанїямъ, даже и тѣмъ, кои легко изчезать могутъ; я полагался на знатныхъ, на друзей, на благодѣтелей, на честныхъ людей, на сострадательныя души, на тѣ души божественныя, кои любятъ добродѣтель саму по себѣ; я вѣрилъ всему, что надлежало быть, и чего нѣтъ. Я при рожденїи одушевленъ былъ духомъ высокопарнымъ, которой гнушался знанїемъ обогащаться; моя разборчивость можетъ слишкомъ была превередлива въ посредствахъ къ сему;

уклонность, прикрытая благопристойностїю, и кою не рѣдко исторгаетъ необходимость, казалась мнѣ низостїю, постыдною и уничижительною, и я мнилъ, что друзья мои, понеже друзья были наипрїятнѣйшимъ моимъ заблужденїемъ, хвалить меня будутъ за толь благородныя свойства; я старался заслуживать уваженїе, которое, казалось, они ко мнѣ простирали. Но наиболѣе всего я ревностно хранилъ собственное свое хорошее о себѣ мнѣнїе. Симъ токмо единственнымъ чувствїемъ люди подкрѣпляютъ достоинство званїя человѣка, и я всегда слѣдовалъ моему сердцу: оно предводительствовало всѣми моими поступками, и одобренїе его было первымъ моимъ предметомъ, и ежели бы оно мнѣ въ семъ отказало, то бы одобренїе людей, свидѣтельство всей вселенной не утѣшило бы меня. Я допущенъ былъ въ домы наилучшихъ сообществъ. Не стану вамъ говорить о женскомъ полѣ: я не такъ недоволенъ женщинами, какъ мущинами,

онѣ умѣютъ украшать прїятность, даже недостатки свои, и имъ упускается ихъ вѣтренность, легкомыслїе и слабость свойствъ для ихъ прелестей; по крайней мѣрѣ онѣ хотя малую имѣютъ прїятность и нѣжность, исправляющїя противность дурныхъ поступокъ; онѣ не такъ, какъ мущины, сильно дерски и жестоки. Другая еще мечта, которую любилъ я питать: мнѣ казалось, когда человѣкъ богатъ, то не можетъ вкушать иного блаженства, какъ быть полезнымъ и изливать благодѣянїя; а симъ единственнымъ удовольствїемъ я завидовалъ изобилїю.

Среди восхищенїя сего я усмотрѣлъ, что въ самой вещи надлежало мнѣ подумать о самомъ себѣ; превратность поспѣшала ко мнѣ скорыми шагами; меня увѣряли, что дарованїями моими легко побѣжду злую мою долю. Что скажу вамъ, Государь мой? теперь я достигъ до того времени, гдѣ люди представляются взору моему въ точномъ ихъ видѣ: лучь

злополучія гораздо болѣе просвѣщаетъ, нежели лучь разума. Родитель мой извѣщаетъ мнѣ, что рѣшеніе дѣла не въ нашу пользу наноситъ ему совершенное раззореніе; за него ходатайствовало только истинное его право; я не имѣлъ нужды быть подвигнутымъ должностію; собственная склонность наставляла меня въ томъ, что надлежало мнѣ исполнить. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я не упускалъ ни единаго позволительнаго средства доставлять достойному отцу моему услажденіе въ его недостаткахъ; онъ былъ бѣденъ, и тѣмъ самымъ мнѣ дороже былъ и болѣзненнѣе сердцу моему; священное имя родителя произносилъ я съ вящшимъ уваженіемъ и нѣжностію. Будучи принятъ въ обществѣ знатныхъ людей, я ласкалъ себя состраданіемъ ихъ къ напастямъ моимъ; не стыдяся своего состоянія, ниже надуваяся сею смѣшною горделивостію, коею не рѣдко несчастіе надмѣвается, позналъ я плачевную крайность, въ которой находился;

болѣе всего представлялъ имъ слезы отца моего, продолженіе дней его безъ уреканія, послѣднія издыханія почтенной престарѣлости. Они въ обѣщаніяхъ своихъ оказывали обчительную важность, и открывали мнѣ всю пышность и кичливость покровителей, мнѣ, которой унизилъ бы ихъ, ежели бы снисшелъ къ снисканію ихъ покровительства. А я безумной любилъ ихъ. Любить же не возможно, ежели не находится нѣкотораго внутренняго сходства душевныхъ свойствъ, безъ чего ни пріязнь, ниже вкушаемыя въ обществахъ удовольствія существовать не могутъ. Повѣрите ли вы, что нѣкогда одинъ изъ сихъ низкихъ вельможъ, говорилъ многимъ, услышавъ чувствительно-сильныя мои жалобы: весьма бы жалко было, ежели бы счастіе благопріятствовало сему человѣку! Онъ очень забавенъ въ своихъ жалобахъ: несчастіе служитъ пружиною вообраденію его къ веселымъ и острымъ выдумкамъ.

И такъ не желая служить позорищемъ и добычею жестокой праздности, мнилъ я обрѣсти въ ученыхъ людяхъ тѣ чувства, въ коихъ отказали мнѣ мнимые ихъ Месцены. Я самъ въ себѣ говорилъ: о! сіи наставники человѣческаго роду конечно обладаютъ всѣми добродѣтелями, кои всеминутно выхваляютъ, и на театрахъ представляютъ во всей пріятности разума и во всей силѣ воображенія. Чегожъ ожидать надлежитъ отъ Философовъ, отъ любителей премудрости, которые пылаютъ однимъ человѣколюбіемъ, коихъ рѣчи всѣ освѣщаются симъ словомъ, и каждая страница творенія ихъ также; кои не вдаются въ обманъ химерамъ, какъ прочіе люди, и которые жаждутъ токмо преподавать познаніе и содѣлывать ихъ благополучными! Стремился я къ сему роду законодателей человѣческаго разума; полагая твердую на нихъ надежду, изливалъ слезы мои въ нѣдра ихъ: а нѣдра ихъ, какъ изсохшая земля, поглощала мои

слезы безъ наималѣйшей отрады; видѣлъ я съ прискорбїемъ, что разумъ разнствуя съ силою умовоображенїя, облекается во всякїе виды, и есть обманчивъ; что тѣ пышные разскащики, тѣ хладные панегеристы добродѣтели, не что иное были, какъ шарлатаны, которые сами внутренно осмѣивали то, что внѣшнимъ видомъ оказывали; однимъ словомъ сказать, они крайне были жестокосерды. Все, что находилось внѣ ихъ, и тѣсной сферы небольшой славы, что не касалось ихъ пользы, они чужды были; изъ всѣхъ политическихъ и благоразумныхъ учрежденїй, коими наполняли недостаточныя свои сочиненїя съ омерзительною пышностїю, удостовѣрился я, что они еще больше прочихъ смертныхъ снѣдаемы были завистїю, скупостїю, кичливостїю, любочестїемъ, самолюбїемъ, ненавистїю, что подлая и мнительная зависть ихъ, безчувственная злоба ихъ, ничего не имѣетъ священнаго, и всегда готовы приносить себѣ на закланїе новыя

жертвы, и тѣмъ вящше они были виновны, что болѣе прочихъ имѣли опытовъ и просвѣщенія. Я буду описывать вамъ приключеніе одно другаго несноснѣе; тысячу разъ былъ я обиженъ; тысячу разъ сердце мое было поражено; пораженія же сіи толь глубокія, толь сильныя разумножаются до безконечности для злосчастныхъ. Чтожъ касается до богатыхъ, одно о нихъ воображеніе возбуждаетъ всю ярость мою; они преданы всѣмъ порокамъ, всѣмъ неистовствамъ; а безчеловѣчіе ихъ можетъ только равняться съ ихъ дерзостію; сни даже и скрывать не стараются ожесточеніе души своей. Кажется, какъ будто бы при большомъ имуществѣ не надлежитъ быть человѣкомъ, и зрѣлище, на которое взираютъ съ равнодушіемъ сіи подлые любимцы счастія, есть страданіе злосчастныхъ; а можетъ, сія картина усугубляетъ ихъ благополучіе, по развращенности, повреждающей природу ихъ! Такъ, Государь мой, тѣмныя лѣса, пещеры, не

скрываютъ свирѣпѣе ихъ звѣрей! Ахъ, ежели безсчастной пожелаетъ успокоиться въ своей горести и противиться внутреннему признанію о бѣдной своей участи, пускай убѣгаетъ онъ, пускай отринетъ сообщество людей богатыхъ, а лучше надежду свою возложитъ на вспомоществованіе самаго крайне претерпѣвающаго нужду: по крайней мѣрѣ онъ возбуждаетъ въ немъ къ себѣ жалость, что состраданіе подаетъ отраду и удерживаетъ слезы, изъ сердца истекающія.

Никто конечно не отважится мнѣ сказать, чтобы я дѣйствительно не видалъ сихъ разныхъ сортовъ чудовищъ, ожесточенныхъ великимъ своимъ богатствомъ. О, какъ я ненавижу, ихъ! и въ глубинѣ сердца моего покрываю ихъ наипосрамительнѣйшимъ презрѣніемъ! Глупой мѣщанинъ могъ бы также мыслить и чувствовать, ежели бы довольно имѣлъ въ себѣ силъ избавиться раболѣпнаго духа подражанія, которой преобразуетъ

ихъ въ неловкихъ обезьнъ, подражающихъ знатнымъ, и поселяетъ въ нихъ пагубную страсть роскоши, умерщвляющей всякое благое чувствіе. Онъ совсѣмъ порабощается богатству своему, потому что въономъ полагаетъ отъ другихъ къ себѣ уваженіе, даже всѣ забавы свои, всѣ бытіе свое; онъ доходами своими измѣриваетъ степени своего блаженства и кичливости, сію бездѣятельную и праздную жизнь, чѣмъ мучится тотъ, кто прямо не праздно живетъ. Горести мои весьма бы слабо тронули сей сортъ людей, коимъ надлежало бы токмо не противиться доброму своему свойству, дабы быть чрезъ то изъ числа оныхъ первѣйшими. Чтожъ лежитъ до черьни, они, подобно какъ въ тинѣ, вязнутъ во мракѣ невѣжества, едва одушевлены; ими управляетъ гнусная корысть, скоро грубое ихъ сложеніе постигается. Они въ одно время будутъ оплакивать судьбу несчастнаго, и готовы будутъ пронзить ему грудь, ежели убійствомъ пріобрящутъ

единой токмо шелегъ свыше того, что получить могутъ трудами своими.

Проѣзжалъ я разныя земли, и жадничалъ обрѣсти человѣка. Тѣ чувствительныя сердца, располагалъ я самъ въ себѣ, всеконечно найду я въ тваряхъ тѣхъ, которыя не преданы ослѣпленію, кои исповѣдуютъ вѣру, всещедрымъ Богомъ уставленную; кои повседневно у олтаря исполняются самочистѣйшимъ духомъ наставленія Христа Спасителя. Сей послѣдній ударъ былъ мнѣ, Государь мой, предоставленъ: тутъ-то я нашелъ оледенѣлость чувствъ, верьхъ самой жестокости. Набожное безчеловѣчіе есть наизлѣйшее: оно изъявляло мнѣ утѣшенія поносительнѣе, убійственнѣе самаго ругательства. Какое сострадательство притворной набожности!

Тогда преданный отчаянію, исполненный сильною яростію упадаю къ ногамъ родителя моего: —— Ахъ! родитель мой, мы доходимъ до самоужаснѣйшей

крайности ; я ласкалъ себя , что юность моя будетъ вамъ подпорою ; надежда моя изчезаетъ ; всѣ сердца безчуственны къ воплю моему ; о васъ единомъ текутъ мои слезы ; ахъ, что съ вами будетъ? — Все то , что угодно будетъ , возлюбленное мое чадо , всемогущему Царю , отвѣчалъ мнѣ сей достойной престарѣлой мужъ ; мнѣ не трудно умереть ; я легко оставлю свѣтъ сей , будучи при концѣ дней моихъ. О тебѣ одномъ, о мой сынъ! проливаю слезы ; вся жизнь моя , все мое блаженство въ тебѣ состояло , а я испущу духъ, оставляя тебѣ въ наслѣдство стенанія и бѣдства. Я уже пожилъ: непреоборимое почти шестидесятилѣтнее злополучіе научило меня ничего не ожидать отъ людей ; непреклонная ихъ жестокость меня не удивляетъ , но весьма бы я удивился , ежели бы ты сказалъ мнѣ , что обрѣлъ душу сострадательную : не находится совсѣмъ такой , которой свойственно бы было твердое человѣколюбіе ; ежели же и случится когда-

изъявить имъ чувствительность, или сожаленіе и благодетельство, то оное бываетъ токмо временно: опять скоро обращаются къ тому же жестокосердію, коимъ существуютъ. Человекъ, сынъ мой, весьма съ темъ различенъ, чего ожидать можно отъ званія его! Поверь, что единъ Богъ обмануть не можетъ; къ нему единому надлежитъ намъ прибегнуть. Не крушись о моей участи; я уже у конца своего: старайся только свои дни сохранить, дни, кои суть собтвенные мои, и оставь меня при двеpяхъ грбоа, куда безъ роптанія я сниду, ежели симъ обезоружить могу всемогущаго Творца, и Онъ учинитъ возлюбленное мое чадо благополучнее меня здесь на земли.

При сихъ словахъ нежной родитель мой обнимаетъ меня и съ воплемъ прижимаетъ къ груди . . . Ахъ! Государь мой, и здесь еще образъ сей въ глазахъ моихъ! Не нужно сказывать вамъ о всехъ уничижительныхъ, а притомъ тщет-

ныхЪ поступкахЪ, до коихЪ я дошелЪ, чѣмЪ постепенно умножалась горесть моя, и часЪ отчасу болѣе погружало меня вЪ злополучїе. Ни о чемЪ болѣе я не думалЪ, какЪ о моемЪ родителѣ и о несчастїяхЪ его; единой сей предметЪ взору моему представлялся и утверждалЪ вЪ моей рѣшимости. ВЪ моей бѣдности...., выговорю ли я, Государь мой? вЪ крайнемЪ моемЪ убожествѣ, я вкушалЪ удовольствїе оказать нѣкоторыя услуги; не рѣдко случалось, что для оказанїя услугЪ моихЪ я самЪ себя лишалЪ самой необходимости; даже подвергалЪ себя униженїю, угрозамЪ повлечену быть вЪ темницу, за то, что помогалЪ несчастнымЪ; сердце мое было нѣкоторымЪ образомЪ отверсто кЪ облегченїю состоянїя ихЪ; при такихЪ поступкахЪ возможно ли было мнѣ не ласкать себя имѣть друзей? Но всѣ сїи друзья вЪ глазахЪ моихЪ, какЪ утрѣнняя роса, изчезли; на мѣстѣ ихЪ узрѣлЪ я токмо неблагодарныхЪ, или злодѣевЪ непримиримыхЪ,

жаждущихъ гибели моей и отца моего: Какаяжъ была вина моя? Я видѣлъ ихъ низверженныхъ въ крайность и имѣющихъ надобность въ моей помощи. Еще единое оставалось намъ средство: сестра моя тогда возвращалась изъ Америки; она выдана была за Дворянина, которой хотя не имѣлъ большаго богатства, но изрядное имѣлъ состоянїе, жену свою весьма любилъ, а она нѣкогда носила наинѣжнѣйшїе знаки милости родителя нашего; и такъ я не сомнѣвался, чтобы въ толь крайнихъ обстоятельствахъ она не подвигла своего супруга быть намъ нѣсколько полезнымъ. Въ то время они купили землю близъ Парижа. Я всячески скрывалъ предпрїятїе мое отъ моего родителя, опасаясь тѣмъ оскорбить разборчивость его; съ стремленїемъ поспѣшаю къ сестрѣ моей; по любви моей къ ней не такъ скоро я замѣтилъ холодность, съ каковою былъ я принятъ. Открываюся ей въ нуждахъ нашихъ; какъ скоро она узнала причину моего къ ней прїѣзда,

при каждомъ изреченіи лице ея измѣнялось, а привязанность и связь наша терялась; безчувствіе ея обличалось постепенно на челѣ ея и ей измѣняло; она мнѣ въ отвѣтъ сказала нѣсколько нескладныхъ словъ, при каждомъ останавливаясь, что мужъ ея не всѣ еще отдалъ деньги за землю, которую они купили; что у нихъ дѣти, что долгъ матери жертвовать собою семейству своему. Къ сему примолвила она: родитель нашъ дурно себя велъ; онъ показалъ услуги родственникамъ, друзьямъ, которые нынѣ насъ богатѣе: пускай къ нимъ онъ прибѣгнетъ въ теперешнемъ состояніи; мнѣ весьма жаль, что ничѣмъ помочь ему не могу, какъ токмо соболѣзнованіемъ однимъ. А вы, говорила она, принимая видъ покровительства, какими судьбами, чтожъ вашими дарованіями не достанете себѣ мѣста? Надлежитъ покорствовать, соотвѣтствовать своему состоянію . . . Ежели бы вы пріѣхали въ Америку . . . Вы никогда и понятія

имѣть не будете о набогащенїи. — Да я никогда не буду имѣть сердца каменнаго, сердца сестры безчеловѣчной; прощай жестокосердая; родитель твой отъ крайности духъ испускаетъ, и отъ тебя онъ снидетъ во гробъ, отъ тебя, которую такъ нѣжно любилъ; да отмстятъ тебѣ несчастныя дѣти твои за грѣхъ твой; ты болѣе меня не увидишь.

Поспѣшно оставляю ненавистное сїе жилище, и возвратясь къ родителю моему, весьма желалъ скрыть отъ него сїю новую горесть: но какъ духъ мой сильно былъ ею угнѣтенъ, то и не въ силахъ былъ молчать: Узнайте причину, которая на нѣсколько дней меня отъ васъ отлучила. Я мнилъ, что у васъ есть еще дочь, а у меня сестра; но обрѣлъ токмо изверга безчеловѣчнѣйшаго: отче мой, она отказала мнѣ въ наималѣйшемъ вспоможенїи.-- Кому же отказалась помочь?-- Вамъ, которому обязана своею жизнїю и состоянїемъ. — Чадо мое, прервалъ бодрой

старикЪ, которой старался удерживать слезы свои, всеконечно весьма поразительный есть ударЪ: ожесточенїе тѣхЪ, которые отЪ насЪ произошли на свѣтЪ, коихЪ мы вЪ объятїяхЪ своихЪ носили, прижимали кЪ груди своей! . . . ВотЪ верьхЪ злополучїя: но ТворецЪ мой, и сынЪ мой, продолжалЪ онЪ, обнимая меня; вЪ рукахЪ ихЪ испущу послѣднее издыханїе. А сестрѣ твоей простить должно; она зависитЪ отЪ мужа, обязана дѣтьми . . . — АхЪ! родитель мой, симЪто точно и надлежало бы ей возчувствовать всѣ ваши права.

КакЪ, вы проливаете слезы, прервалЪ незнакомецЪ! АхЪ, Государь мой, я еще ничего вамЪ не сказалЪ.

ПовергаютЪ моего родителя, моего бѣднаго родителя во мрачную темницу; тогда бѣгу я кЪ тому, которому отецЪ мой былЪ долженЪ, упадаю кЪ ногамЪ его, обнимаю ихЪ сЪ воплемЪ, не оставивЪ никакихЪ убѣжденїй, и всячески

уничижая себя: ничто не могло его тронуть; отталкиваетъ меня съ свирѣпостїю; и я бывъ покрытъ такимъ позоромъ, не отмстилъ за сїе, не лишилъ его жизни! Несчастїе заставляетъ забывать самаго себя и обращаетъ въ небытїе существо наше; единыя бѣдствїя родителя моего занимали всю мою чувствительность; я весь былъ исполненъ ими. Прибѣгалъ я къ вспоможенїямъ наислабѣйшимъ, также и къ наисвященнѣйшимъ: вездѣ получалъ отказъ, и такъ я лишился всего, что не имѣлъ нужнаго. Теперь, Государь мой, представлю вамъ зрѣлище наиужаснѣйшее: родитель мой, заключенный въ темницу, удрученный скудостїю, не имѣя иной подпоры, инаго утѣшителя, кромѣ несчастнаго своего сына, забвеннаго всей вселенной, которой самъ ничего не имѣлъ, окруженъ былъ чудовищами, высокими горами.... Государь мой, я рожденъ Дворяниномъ.... Душа во мнѣ наиблагороднѣйшая, весьма удаленная отъ всякой низости . . . А

дѣло шло о престарѣломъ мужѣ, о родителѣ, коего я удерживалъ послѣднее издыханіе . . . . Сама природа во мнѣ возбуждается; сама кровь во мнѣ вопіетъ: я жертвую собою, побѣждаю себя, рѣшусь снити въ самое низкое состояніе для моего бѣднаго родителя . . . . При сихъ словахъ рыданіе пресѣкаетъ рѣчь плѣнника.

Великодушной Агличанинъ, повѣрете ли, что я вамъ открою? . . . . Я былъ доведенъ сими жестокосердыми просить подаянія для виновника дней моихъ; ожидалъ я ночнаго времени, и тогда утопая въ слезахъ, томнымъ голосомъ, изображающимъ тяжкую горесть, прибѣгалъ я къ состраданію сихъ извергов, коихъ желалъ бы разодрать утробу.

При сихъ послѣднихъ словахъ, Сидней проливая токи слезъ, прижимаетъ чужестранца въ своихъ обьятіяхъ. — Преизящное твореніе, какъ душа твоя прекрасна! коль достоинъ ты имѣть друзей!

Каждое подаянїе то, продолжаетЪ незнакомецЪ, — какое изреченїе, Государь мой! — пронзало мою грудь, трепетало во мнѣ сердце; но при толь постыдныхЪ и слабыхЪ средствахЪ имѣлЪ я хотя отраду подкрѣплять дыханїе испускающаго духЪ родителя моего. Но я еще не довольно былЪ удрученЪ злою напастїю: меня схватили, какЪ бы подобнаго тѣмЪ несчастнымЪ, кои собираютЪ милостыню, помогая презрительной и наказанїя достойной праздности своей. ПростиралЪ я вопль мой кЪ тиграмЪ, меня окружающимЪ, что я для родителя моего, для моего родителя дошелЪ до такой низости; онЪ заключенЪ вЪ темницѣ, и жизнь его зависитЪ отЪ моей поспѣшности подать ему вспоможенїе; изЪ человѣколюбїя, ежели вы имѣете родителя . . . . Ничего не внемлютЪ, заключаютЪ меня вЪ мрачную темницу, основанную для преступниковЪ; истребовалЪ я позволенїя итти пасть кЪ ногамЪ Судїи; кЪ коему я былЪ допущенЪ; онЪ

принимаетъ меня съ строгостію, и вопрошаетъ меня, какъ судія непреклонный. Ахъ! Государь мой, сказалъ я ему: такъ, я просилъ милостыню; всеконечно я не рожденъ прибѣгать къ средствамъ толь поноснымъ; я человѣкъ благородной, и можетъ лучше всякаго умѣлъ бы умереть: но, Государь мой, родитель мой въ самой крайней бѣдности; онъ въ темницѣ заключенъ; для него то я испрашивалъ мірское подаяніе, подаяніе для виновника дней моихъ! Судія былъ симъ тронутъ, и, отпуская меня, обѣщалъ свое покровительство; постигаетъ его смерть, а я съ нимъ теряю всю мою надежду.

Наконецъ лѣта послужили представительствомъ родителю моему; законы отверзаютъ ему врата темничныя, откуда онъ выходитъ; я вошелъ на одномъ купеческомъ кораблѣ въ небольшую должность, отъ которой едва имѣлъ пропитаніе. Вы легко представите, что первое мое попеченіе было о моемъ роди-

шелѣ; я бѣгу къ нему; и мы съ великою нетерпѣливостїю достигаемъ назначенное мѣсто, гдѣ надлежало намъ отправиться въ море; беру родителя моего на руки, и переношу на корабль. Ну, дражайшїй и злополучнѣйшїй родитель, поспѣшимъ теперь оставить сїю превратную землю, гдѣ добродѣтель и человѣчество попираются дерскими ногами богатыхъ и преступниковъ; удалимся отъ звѣрообразныхъ Европейцовъ; можетъ тигры въ Азїи не столь будутъ къ намъ жестокосерды; когда я имѣю чемъ содержать злосчастные мои дни, ты живъ будешъ . . . Увы! тебя единаго имѣю я у себя друга! забудемъ даже до имени отечество мое! Несчастнымъ не прилично имѣть склонность, о родитель мой . . .

Доселѣ я разсказалъ вамъ нѣкоторую часть моихъ бѣдствїй, Государь мой! сердце мое еще инымъ подвержено было напастямъ, да наигорестнѣйшимъ; а плаченное положенїе виновника дней мо-

ихЪ наиболѣе меня угнѣтало. Злополучныхъ души скорѣе обЪемлются нѣжностію, нежели благоденствующихЪ; злополучіе лечетЪ за собою глубокую унылость, гдѣ укрываются сильныя страсти и откуда и изЪявляются: и такЪ я отважился пылать любовію. Скрою отЪ васЪ подробности, которые мнѣ должно умалчать. ПредметЪ страсти моей была молодая особа, единородная дочь, наслѣдница великаго имущества, то посему и не можно мнѣ было отважится просить ее вЪ супружество; и какая бы жена согласилась дѣлить злую мою долю, всюду за мною преслѣдуемую? Благоразсужденіе и честныя правила возбраняли мнѣ о семЪ открыться; всѣ повелѣвало мнѣ покорить склонность, которой не позволялось мнѣ возбуждать вЪ другихЪ. Я не слѣдовалЪ гласу разума, ни должности; слѣпо взиралЪ на мое ужасное состояніе; предался пламеню любви; зрѣлЪ токмо единыя прелести Юліи; вотЪ имя божественной особы, которая влады-

чествовать будетъ въ моемъ сердце до послѣдняго моего издыханія. Она нѣкоторымъ образомъ сама подала поводъ къ признанію моему, потому ли, что питала также ко мнѣ страсть, какую возбудила во мнѣ къ себѣ, или потому, что хотѣла благосклонно упредить робкую воспламенелость злосчастнаго, и нѣжностію своею наградить за претерпѣваемыя мною горести и подать утѣшеніе. Любовь заимствуетъ новый огонь отъ великодушія, и тогда она болѣе обладаетъ, потому что облекается чертами и всею великостію добродѣтели. Открылись потомъ другъ другу во взаимной страсти. Колико изъявленіе сихъ сердечныхъ моихъ чувствъ услаждало духъ мой! Какое вкушалъ блаженство повергать себя къ ногамъ Юліи. Нѣтъ, Государь мой, одни несчастные умѣютъ питать любовь, для нихъ то единственно страсть сія существуетъ во всей своей силѣ и очарованіи. Какимъ упоевался я сладостнымъ восторгомъ, когда рука возлюблен-

ной моей отирала мои слезы! Какимъ исполнялась душа моя пріятнымъ восхищеніемъ, при увѣреніяхъ ея въ непримѣнности любви ко мнѣ. Юлія облегчала бремя жизни моей; страсть наша при всѣмъ своемъ сильномъ пламени не подвергала совѣсть нашу угрызенію; а добродѣтель никакимъ уреканіемъ. Единую сію сильную страсть, меня снѣдающую, скрывалъ я отъ родителя моего.

Одинъ родственникъ той молодой особы, проницаетъ чувствы сердецъ нашихъ: молодые люди не весьма бываютъ скромны; онъ требовалъ наединѣ со мною говорить. Государь мой, сказалъ онъ мнѣ, я начну рѣчь свою съ откровенностію, которая не оскорбитъ васъ: я щитаю, что вы достойны почтенія всѣхъ честныхъ людей, и въ самой юности лѣтъ вашихъ не отказываютъ вамъ въономъ; происхожденіе ваше и внѣшней видъ удостовѣряютъ меня, что честные правила будутъ вождемъ вашимъ. Примѣтилъ я, что племянница моя отдавая

вамЪ должную справедливость, симЪ чувствїемЪ весьма исполнилась; я сїе сЪ удовольствїемЪ вамЪ повторяю, Государь мой; мнѣ кажется вы имѣете сердце нѣжное и душу просвѣщенную о должности честныхЪ правилахЪ; вы совсѣмЪ ничего не имѣете, а племянница моя изрядной будетЪ имѣть достатокЪ . . . Я то знаю, Государь мой, прервалЪ я сЪ нѣкоторымЪ негодованїемЪ, я знаю, что племянница ваша достойнѣйшая обожанїя изЪ всѣхЪ ея полу, и что я несчастнѣйшїй изЪ всѣхЪ смертныхЪ; я видѣлЪ не богатство ее, Государь мой, но токмо зрѣлЪ прелести и добродѣтель ее. Всеконечно мнѣ бы предосудительно было скрывать отЪ васЪ: я до безумїя влюбленЪ вЪ божественную Юлїю; хочу лучше тысячу разЪ умереть, нежели престать обожать ее; сїе чувствїе весьма драгоцѣнно, весьма нужно сердцу моему; до послѣдняго издыханїя питать его буду. Я бы могЪ, Государь мой, представить вамЪ выгоды рожденїя моего, и

что я могу вездѣ имѣть мѣсто: но что есть рожденїе, добродѣтель, самая чистѣйшая нѣжность, безъ достатка? Я много оное испыталъ! Вотъ вина моя, Государь мой, ... Повѣрьте, что вы узнаете каковъ я; вы меня узнаете . . . .

Поспѣшно оставляю сего родственника Юлїина, проливая токи слезъ; однако же довольно я имѣлъ силъ скрывать мое положенїе въ присутствїи родителя моего: но какъ остался одинъ, то возчувствовалъ тогда ужасное свое состоянїе не видать болѣе Юлїю; не любить ее. Могу ли я учинить себѣ такое усилїе? Могу токмо испустить духъ лишась ее лицезрѣнїя: но побѣждать страсть, которая всю душу мою занимала! Ею я дышалъ, никогда человѣческое сердце не бывало подвержено сильнѣйшимъ волненїемъ; нѣтъ никогда ни бывало толь растревожено.

При всѣмъ безпорядкѣ разума моего и всѣхъ моихъ чувствъ, гласъ истинны

и честь не заглушались: не безумецЪ ли я, не повиненЪ ли даже обольщенїемЪ, не сопротивляяся склонности, которая наноситЪ вредЪ тому, что я люблю болѣе всего на свѣтѣ! Кто не умѣетЪ пожертвовать любовною страстїю, не имѣетЪ нѣжности и не можешЪ постигать неограниченность чувствЪ сихЪ? Какая же моя горячность, я колеблюся принести себя на жертву предмету обожанїя моего! Да возлюблю тако Юлїю, что самаго себя позабуду; погружу себя вЪ совершенную ничтожность; да буду зрѣть токмо ее единую; возвращу божественной сей особѣ всѣ права, данныя мнѣ при обладанїи сердцемЪ, происходящїя болѣе отЪ жалости ко мнѣ, нежели отЪ любовнаго пламени; да будь она благополучна, а я пускай тысячу кратЪ духЪ испущу! . . . Да будь благополучна . . . . Но будетЪ ли она наслаждаться счастїемЪ, когда другой, а не я, получитЪ ея руку? Какое блажество на земли сравниться можетЪ сЪ истинною любовїю,

какова есть наша саможивѣйшая, толь непорочная, добродѣтель неповреждающая, вотъ величайшее благо? Никто въ свѣтѣ, нѣтъ всеконечно, никто не можетъ подобнымъ моимъ пламенемъ горѣть къ Юліи; она и сама дѣлитъ жаръ мой; она будетъ вкушать прямое вожделеніе, за всѣ удовлетвориться сердцемъ, котораго всѣ чувства исполнены единою ею, которой дышитъ ею; рожденіе мое при ее достаткѣ возведетъ меня на степень, которая удовлетворитъ родственниковъ ея, и заставитъ забыть бѣдствія мои.... А ее наградить за злополучіе, въ кое низрину ее, понеже ужасная моя доля, какъ язва распространяется на всѣ меня окружающее! похититъ у Юліи, ожидающей ее, достодолжной блескъ! Желать, чтобы она раздѣлила горестную мою участь, покрылась бы позоромъ моимъ! . . . Нѣтъ я не могу быть толь безчеловѣченъ; довольствуясь обожать Юлію въ тайнѣ, отрадою будетъ мнѣ проливать объ ней слезы . . . Ускорю конецъ дней моихъ;

лишу себя ненавистной жизни . . . . А родитель мой, кто о немъ будетъ имѣть попеченiе?

При окончанiижъ сихъ словъ, почтенной сей, сѣдинами украшенной мужъ представляется взору моему; бѣгу къ нему, какъ бы подвигнутый противъ воли моей, упадаю къ стопамъ его: О наинѣжнѣйшей родитель; воскликнулъ я рыдая, вы видите меня въ положенiи . . . . Ахъ! для чего возбраняется мнѣ прекратить дни мои? Онъ повелѣваетъ мнѣ встать, принимаетъ въ объятiя души, исполненной родительской нѣжности: —— Что тебѣ сдѣлалось, милое мое дитя? Какой новой ударъ насъ угрожаетъ своимъ пораженiемъ? —— Меня родитель мой, меня одного постигли всѣ напасти! Но я имѣю хотя ту отраду, что вы не будете соучастникомъ злой моей доли; простите мнѣ, что доселѣ оное скрывалъ отъ васъ; теперь познаю вину мою, за что я и наказанъ; родитель мой . . . . Я влюбленъ, сгараю страстнымъ пламе-

немъ, которой долженъ потушить. — Какъ сынъ мой! ты позналъ любовную страсть! — Коей я, о! родитель мой и ощущаю всю свирѣпость, всѣ бѣдствiи; сего не доставало еще къ слезной участи моей!

И такъ, Государь мой, извѣщаю родителя моего о возбужденiи и несчастномъ успѣхѣ склонности, которая снидетъ со мною во гробъ; не утаилъ отъ него даже и ужасное объясненiе наше съ родственникомъ Юлiи; сколько страсть моя или лучше сказать горделивой духъ претерпѣлъ уязвленiй. Родитель мой милостиво меня выслушалъ; не имѣлъ я въ немъ строгаго порицателя, ни престарѣлаго мужа, ожесточеннаго злополучiями и удрученностiю лѣтъ побѣждающаго страсть мою: но имѣлъ истиннаго друга, снисходительнаго, которой входилъ въ мое состоянiе, соболезновалъ о мнѣ и утѣшалъ меня, открывая притомъ мнѣ глаза о опасности, съ коею необходимо сопряжены бываютъ страсти. Сынъ мой,

рекЪ онЪ мнѣ, сей токмо напасти недоставало кЪ совершенной нашей гибели. Возможно ли намЪ имѣть дерзновенность быть чувствительными! и любить! ЗнаешЪ ли ты, что и то великую оказываютЪ милость несчастнымЪ, что не отЪемлютЪ у нихЪ бытія? Милое чадо, вЪ слезномЪ житіи надлежитЪ весьма сопротивляться удовлетворенію сердечнымЪ движеніямЪ. АхЪ! видишь ты самЪ во что вовлекаетЪ любовная страсть!

Здѣсь почтеннѣйшей сей родитель пресѣкЪ рѣчь свою, тяжко воздыхая и прижимая нѣжно меня кЪ груди своей: — СынЪ мой, ежели бы я самЪ собою не испыталЪ страсть сію, не страдалЪ бы духЪ мой; душа моя толь тѣсно сопряжена сЪ твоею, что нахожу вЪ тебѣ другаго себя? Что я говорю? Злополучія твои тысячу кратЪ мнѣ чувствительнѣе собственныхЪ своихЪ; мнѣ уже нѣсколько остается жить на землѣ, а тебя оставляю влещи можетЪ многіе лѣты жи-

тїе слезное и исполненное горестїю. О сынЪ мой, какой дарЪ ты получилЪ отЪ меня, при дарованїи тебѣ жизни! Вѣрь мнѣ, какЪ нелестному другу, которой покрываетЪ тебя нѣжными лобзанїями; сопротивляйся склонности, низвергающей тебя вЪ вящшею гибель; всѣ претерпѣть можно, даже ужасЪ смерти: но уничтоженїе несносно; а родственники Юлїины никогда не забудутЪ бѣдность нашу. ПреобыкнемЪ довольствоваться собственно сами собою; почерпай вЪ нѣдрахЪ моихЪ ту отраду, вЪ коей намЪ вся вселенная отказываетЪ; возымей довольно твердости убѣгать взору Юлїи; ты рекЪ мнѣ, что ее любишь? — АхЪ! люблю ли я ее, родитель мой! сїе ясно доказываетЪ вамЪ мое отчаянїе; вы, единые призываете меня кЪ жизни; слабая опора моя вамЪ нужна . . . . — Увы! сынЪ мой, тяжесть несчастнаго бытїя моего не долго будетЪ обременять тебя; единственно о твоей пользѣ пекуся. Когда Юлїя для тебя дорога, не послѣ-

дуй моему примѣру; я учинилъ мать твою злополучною. О! коль горестно подвергать возлюбленной предметъ орошаться слезами! Я обожалъ родительницу твою; взаимной пламень насъ сопрягалъ, я зрѣлъ ее страждующую, изтаевающею отъ горести въ глазахъ моихъ. Ахъ! сынъ мой, какое зрѣлище! избавь себя, избавь подобныхъ мукъ. Не препятствуй Юлїи наслаждаться благомъ, которое все кажется ей предвѣщаетъ . . . И я бы всеконечно сносилъ злополучїе мое безъ малѣйшаго роптанїя, когда бы я одинъ страдалъ на свѣтѣ!

Не могъ я оставить родительскїя объятїя; природа, какъ будто бы поставила утоленїя горестямъ нашимъ въ нѣдрахъ виновниковъ дней нашихъ. О небеса! колико смерть ужаснѣе, когда въ ихъ объятїяхъ не испустишь духъ свой! почто родитель мой не закрылъ гласъ моихъ!

Я ему повиновался, оставилъ совсѣмъ домъ Юлїи: но какую несносную

терпѣлъ я муку! сколько разъ былъ я готовъ нарушить данное слово! безпрестанно зрѣлъ я жилище ее; взоръ мой всегда туда стремился; душа моя тамъ обитала всеминутно, наконецъ получилъ я мѣсто, о которомъ вамъ сказывалъ, ускорилъ я отъѣздамъ нашимъ; да и могъ ли я довольно поспѣшно оставить мѣсто, гдѣ казалось все противъ меня вооружалось.

Начинали мы отъ береговъ удалятся. И ежели я обращалъ взоръ мой на Францію, то только для того, чтобы въ тайнѣ могъ сказать себѣ: тамъ оставляю все то, что обожаю: всеминутно, каждою волною морскою умножалось разстояніе, разлучающее меня съ Юліею; все теперь совершилось; я болѣе зрѣть ее не буду! Никогда ее не увижу; но я оставилъ къ ней сіи строки при вступленіи моемъ на корабль, которой несъ меня далеко отъ сей части земли . . . . гдѣ пламень любви, разилъ меня, гдѣ сердце мое оставалось.

„Теперь позволяется мнѣ, боже-
„ственная Юлія, обнажить мои чувства;
„я не сомнѣваюсь, чтобы не извѣстны
„вамъ были причины, понуждающія
„меня убѣгать ваше лицезрѣніе; род-
„ственникъ вашъ открылъ мнѣ глаза и
„показалъ мнѣ мою должность; ему бы
„можно не оскорблять столь мою чув-
„ствительность: но надлежитъ такъ
„быть злополучну, какъ я, дабы знать
„снисходительность, свѣту мало извѣст-
„ную; при всѣмъ же томъ верьхъ зло-
„счастія меня не постигаетъ; я васъ
„обожаю, не могу питать иныхъ чувствъ,
„хотя возбраняется мнѣ ласкать себя
„получить руку вашу! Оставлю всю
„кичливость мою при особѣ, достойной
„всевозможнаго уваженія, и моего вос-
„пламененія. Ахъ, все мое любочестіе
„токмо состояло въ обожаніи васъ! Юлія!
„я наинесчастнѣйшій изъ смертныхъ,
„въ единыхъ небесахъ души наши соеди-
„нится возмогутъ. Исторгни образъ мой
„изъ сердца твоего; я самъ тебя о семъ

„ умоляю; а твои дражайшія черты
„ всюду за мною послѣдуютъ, въ Азію на
„ край вселенной. Грусти и слезъ испол-
„ ненной о нихъ духъ мой, повсечастно
„ къ нимъ обращается. Горю къ тебѣ
„ сугубымъ пламенемъ, а тебя убѣждаю
„ предать меня забвенію; да, такъ, за-
„ будь, забудь меня на вѣки, учини
„ благополучнымъ семейство твое, и то-
„ го, кому предопредѣлено . . . . Ахъ!
„ Юлія, какое изреченіе выпустилъ я изъ
„ устъ моихъ? О! несносное воображеніе!
„ Самодержавная моя владычица . . . Не
„ я, но иной будетъ твоимъ супругомъ;
„ чѣмъ сердце мое пораженнымъ остает-
„ ся. Разлучаяся съ тобою, удаляяся,
„ скоро духъ мой испущу, да и возможно
„ ли мнѣ жить на свѣтѣ? Никакъ не
„ перенесу толикихъ злыхъ бѣдствій.
„ Болѣе слезы мои течь не будутъ;
„ препровождаю къ вамъ въ по-
„ слѣдній разъ мои воздыханіи, про-
„ сти, прости на вѣки, обожаемая
„ Юлія; и будь увѣрена, что меня уже

„ на свѣтѣ не будетъ, когда ты полу-
„ чишь строки сіи „

Но я остался живъ, Государь мой, для родителя . . . а его у меня не стало! Съ какою нѣжностію во все продолженіе пути нашего старался онъ услаждать горькую мою участь! Съ какою горячностію слезы мои принималъ въ свои нѣдра! Наконецъ прибыли мы въ сіи мѣста; нѣкій злодѣй, по единому своему злому свойству, лишаетъ меня мѣста моего; мы доведены были до послѣдней крайности; зрѣлъ я родителя моего изнемогающаго отъ глада; прибѣгаю къ человѣколюбію; обнажаю предо всѣми отчаяніе мое, ужасную мою нищету, почтеннаго сѣдинами украшеннаго престарѣлаго мужа изнуреніемъ недостатка духъ испускающаго въ нѣдрахъ злосчастнаго сына; бѣлые власы его орошены моими слезами; гробъ предъ нимъ отверстый; всѣ взоры свои отвращаютъ, ничье сердце не трогается; упадаю къ ногамъ: меня отталкиваютъ, Государь

мой ; не пріемлютъ ! Ахъ ! воскликнулъ я , человѣколюбія нѣтъ на землѣ ! Чудовищи Индіи столь же свирѣпы , какъ и Европейскія. Потомъ , Государь мой , скрываемся мы въ пещеру къ берегу моря, гдѣ родитель мой въ объятіяхъ моихъ кончилъ несносно-тяжкіе дни свои ; хотѣлъ еще предъ концемъ нѣчто промолвить : изъявлялъ знаками , что нѣсколько пищи могло бы возвратить его къ жизни. Я тотчасъ побѣжалъ и принесъ травы, которой выжатымъ сокомъ омочилъ засохшія и мертвенностію покрытыя уста его; я покрывалъ оныя моими любызаніями; прижималъ нѣжно къ груди моей ; призывалъ самую природу къ вспоможенію.... Онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Грустію , отчаяніемъ , бѣшенствомъ объемлются всѣ мои чувства ; съ стремленіемъ оставляю пещеру ; стопы мои ярость поспѣшно направляетъ ; видѣлъ я Индѣйцовъ , шедшихъ сражаться съ Европейцами : а они то и были точнымъ предметомъ ненависти и негодованія

моего; они, которые почитают себя просвѣщенными о должностяхъ природы! . . . . Вы были свидѣтелемъ гнѣва моего; я бы хотѣлъ истребить, уничтожить всю природу . . . . Родитель мой умеръ . . . . Ахъ! Государь мой, для чего вы спасли мнѣ жизнь; невозбраняйте мнѣ сложить съ себя несносное бремя: вамъ теперь извѣстно все злосчастїе мое, возможно ли помочь онымъ, и не испустить духъ? . . . Вы мнѣ кажетесь совсѣмъ различны отъ людей; отъ сихъ варваровъ . . . Вы сострадательны! Не причиняйте медленности концу бытїя, преисполненаго злою печалїю и тяжкою горестїю изнуреннаго.

Ты останешься живъ, воскликнулъ Сидней, обнимая его: достойной юноша; ты обрѣлъ сердце нѣжное и друга; не почитай всѣхъ людей безчеловѣчными извергами; ты увидишь, что находятся и чувствительныя души; да, такъ, я хочу заступить мѣсто родителя твоего . . . Какъ ваше имя? — Меня называютъ Вол-

санЪ. —— ТакЪ дражайшїй ВолсанЪ, ты будешЪ сынЪ мой . . . . —— АхЪ! Государь мой, потерявЪ родителя, имѣть его не возможно вЪ иномЪ!

Сидней всевозможное прилагалЪ старанїе, и нѣжно пекся о возвращенїи кЪ жизни сего молодаго юноши. Прошло тому дни два, какЪ здоровье его начинало оправляться: хотя онЪ пребывалЪ погруженЪ вЪ глубокомЪ отчаянїи. Сидней кЪ нему вошелЪ. Государь мой, рекЪ тотчасЪ ему ВолсанЪ, ежели я могЪ возбудить вЪ васЪ нѣкоторое чувство состраданїя, то помогите мнѣ сыскать ту пещеру, гдѣ несчастной мой родитель . . . . Я не вЪ силахЪ былЪ сохранить драгїе дни его . . . . По крайней мѣрѣ довольно буду силЪ имѣть ископать могилу для прикрытїя мертваго тѣла его, и воздать ему послѣднїй долгЪ; сїи плачевные остатки толь для сердца моего неоцѣненны, не будутЪ подвержены . . . . Орошу ихЪ моими слезами, покрою ихЪ моими лобызанїями, моимЪ воплемЪ, сего

несчастнаго, коего гибели причиною жестокое безчеловѣчїе . . . . Я пришелъ другъ мой, прервалъ Сидней, примирить тебя съ человѣческимъ родомъ . . . . — Что вы говорите? — Слѣдуй только за мною, пойдемъ.

Онъ подаетъ ему руку и ведетъ въ ближнею палатку. Какой тутъ предметъ поражаетъ взоръ Волсана! Родитель мой, воскликнулъ онъ, я держу васъ въ моихъ объятїяхъ.

Не возможно изобразить подобное положенїе; Французъ припалъ къ груди престарѣлаго мужа, которой едва могъ произносить нескладно сїи только слова: сынъ мой, сынъ возлюбленной! милое дитя! То обнималъ онъ Волсана, то покрывалъ лобзанїями руки достойнаго нашего соотчича: — вы мнѣ возвращаете сына, великодушной Агличанинъ! вы возвращаете двѣ души другъ другу! вкусите сладостное сїе зрѣлище, заслуживающее внимане самаго божества; сему

вожделенная вина благотворительность ваша.

Волсанъ открываетъ глаза : — Какъ? родитель мой, я васъ еще узрѣлъ! Вы живы? — Такъ, сынъ мой; а вотъ, присовокупилъ онъ, показывая Сиднея, виновникъ благополучія нашего! Мнѣ себя надлежитъ почитаться счастливымъ, прервалъ честной Британецъ, что оказалъ вамъ мою чувствительность; повѣрьте, что блаженство мое превышаетъ ваше. Дарогой мой Волсанъ, я самъ ходилъ въ ту пещеру, о которой вы мнѣ сказали; и тамъ нашелъ родителя вашего въ рукахъ одного Баніана, которой старался оживотворить изнемогающія его силы; чрезъ то видите вы, что есть человѣки на землѣ; я велѣлъ перенести его сюда; живите оба, чтобы любить меня . . — И обожать, какъ верьховнаго блага нашего творителя, съ жаромъ воскликнулъ престарѣлой мужъ. Сынъ мой, обращаетъся къ Волсану, продолжая, ты никогда не возможешъ довольной оказать благо-

дарности великой сей душѣ. Я уже духъ испускалъ: чрезъ великую силу открывалъ зѣницы мои, дабы еще воззрѣть на тебя; но вмѣсто тебя предсталъ взору моему совсѣмъ незнакомой; онъ лилъ въ уста мои нѣчто такое, котораго скорое дѣйствїе подало мнѣ силы вкусить пищу, благодѣтельнымъ симъ чужестранцемъ мнѣ принесенную: паки возвращаяся къ жизни; но не зрѣлъ возлюбленнаго моего сына; теперь обрѣлъ его; и я имѣю удовольствїе, продолжалъ онъ, изъявлять признательность мою во второй опорѣ древности лѣтъ моихъ.

Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ Сиднея. Отецъ мой, что вы дѣлаете, рекъ достойной нашъ согражданинъ, подымая его и прижимая въ объятїяхъ своихъ? Повторяю вамъ, я тысячу кратъ васъ счастливѣе, оказывая услугу двумъ сердцамъ чувствительнымъ; щитайте меня впредь самовѣрнѣйшимъ другомъ вашимъ. Агличане, присовокупилъ онъ, съ прї-

ятною улыбкою, не всегда враги бывают Французамъ. Волсанъ съ родителемъ своимъ, при признаніи, что не въ силахъ воздать Сиднею, вкушали радость великихъ душъ, покаряя толь свойственной намъ горделивой духъ, усладительному чувствію благодарности. Да и подлинно можетъ болѣе есть достоинства умѣть принимать благодѣяніе, нежели чинить оное: кичливость и благородныя о себѣ самомъ мысли могутъ раждать великодушіе, но сердце благодарное поступается всѣми правами своего преимущества: пожертвованіе гордостію, есть безпорно наивящшая изъ человѣческихъ добродѣтелей.

Естьли благодушной Сидней былъ образцемъ творителей добрыхъ дѣяній, оба наши Французы примѣрные были герои благодарности; при приближеніи ихъ другъ къ другу, когда съ нимъ разговаривали, они тогда проливали сладкія слезы, толь вожделенныя для сердецъ нѣжныхъ.

Безпрестанно повторялЪ имЪ изящный АгличанинЪ, что онЪ ничего еще не сдѣлалЪ; сего не довольно, что сохранилЪ вамЪ жизнь: надобно, чтобы вы мнѣ были обязаны вторительнымЪ бытіемЪ, безЪ коего первое нѣчто иное есть, какЪ бремя; сколь сладостно мнѣ будетЪ споспѣшествовать вашему благу! Начатое мною дѣло не довершено, и я жажду привести его кЪ окончанію. ПотомЪ обращается кЪ молодому Волсану: вы мнѣ кажется упоминали, доброй юноша, что имѣете предметЪ, достойной горячности вашей? —— АхЪ! любовной огонь долженЪ погаснуть вЪ сердце моемЪ, дражайшій мой благодѣтель; не буду впредь питать иныхЪ восторговЪ; первѣйшею страстію моею, будетЪ благодарная признательность, великодушный Сидней, да исполнится ею всѣ мое сердце: но еще весьма не достаточно все сіе сердце быть возмездіемЪ за все то, чѣмЪ я обязанЪ вамЪ! Любезной сынЪ, возразилЪ АгличанинЪ, нѣжно прижимая

его къ груди, я подобными родителя вашего горю къ вамъ чувствїями; еще разъ повторяю, мое намѣренїе есть пещися о вашемъ благополучїи, въ коемъ полагаю собственное мое счастїе; можете ли же быть благополучны, не обладая предметомъ любви вашей? Вѣрь другъ мой, что мнѣ любовь извѣстна, ее прелести и муки; чрезмѣрная сердца моего чувствительность исполняетъ меня состоянїемъ вашимъ; я вскорѣ возвращусь въ Европу; путь свой направлю въ Парижъ, куда вамъ сотовариществовать буду съ Волсаномъ.

Сидней повѣдалъ обѣимъ о великодушномъ Индѣянине, которой спаслъ жизнь отцу. Банїанинъ дивящейся, съ каковымъ жаромъ простирали къ нему благодарность, только изрекъ имъ съ благороднымъ простосердечїемъ, учиняющимъ добродѣтель толь любезною: да что же такое я сдѣлалъ, чтобы заслуживало толикїе восторги признательности? Развѣ у васъ въ Европѣ не первѣйшимъ

долгомъ поставляется помогать несчастнымъ? Мнѣ надлежитъ васъ благодарить; вы мнѣ подали случай вкусить наиусладительнѣйшее удовольствїе, вспомоществованїемъ мнѣ подобнаго; сострадание наше простирается ко всему существующему; самопослѣднїя животныя пользуются благотворенїемъ нашимъ. Но вѣра ваша различна съ нашею, прервалъ молодой Волсанъ. — Не ужели вы мните, рекъ Банїанъ, что Брама повелѣваетъ вамъ быть не человѣколюбивыми? И какая вѣра можетъ предосуждать добродѣтель? Но естьли бы престарѣлой мужъ сей, показывая на Волсана, былъ и изъ наипрезрительнѣйшихъ въ Индїи, изъ числа низкихъ Олахоровъ, толь достойныхъ презрѣнїя нашего, я бы летѣлъ на вспоможенїе злосчастному; я сохранилъ дни его, и тѣмъ заплачено мое благотворенїе. Я исполнилъ долгъ человѣчества; я содѣлать благо! а только молю Браму окончать свое дѣло; онъ направилъ стопы мои къ сей пещерѣ; да обратитъ васъ

обѣихъ къ себѣ! Но однакожъ, заблужденіе ваше никакъ не воспретитъ должнымъ чувствамъ человѣколюбія къ вамъ; оказывать буду вамъ услуги соболѣзнованія о васъ; небесамъ предоставлено чинить прозрѣніе слѣпцамъ, а намъ жезлъ опоры ихъ, рука помощи; единые токмо злобныя сердца низвергаютъ ихъ въ пропасть; правосудіе и величество свойственны Богамъ, а милость человѣкамъ.

Оба Француза съ удивленіемъ внимали сего почтеннаго Индѣйца; они также и Сидней сопряглись съ нимъ дружбою; напослѣдокъ оставляютъ богатую сію страну, и обратно предпринимаютъ путь свой въ Европу.

Не однократно замѣчалъ Сидней молодаго Волсана, взирающаго на морскія волны съ задумчивостію, и проливая слезы. Образъ Юліи часъ отъ часу владычественнѣе обладалъ сердцемъ его и занималъ душу; вмѣсто ощущенія внутренней радости, при возрѣніи на берега при-

ближающїе его къ отечеству своему, въ немъ усматривалась глубочайшая грусть. Куда я устремляюсь, говорилъ онъ самъ въ себѣ? Въ Европу, во Францїю, чтобъ быть свидѣтелемъ счастїя другаго, которой обладателемъ всѣхъ прелестей Юлїи, и ею любимъ? Не надлежало ли мнѣ лучше навсегда оставить неблагодарное отечество, которое будетъ мнѣ еще ненавистно? Не долженствовало ли бы мнѣ слѣдовать въ Англїю за моимъ дражайшимъ благодѣтелемъ? . . . . И я болѣе не буду зрѣть Юлїю? . . . . Не буду имѣть силъ убѣгать присутствїя ее; нѣтъ, не буду, ее убѣгать; я пойду... Несчастной; еще ли ты не удрученъ истощенїемъ всѣхъ на тебя злополучїй? Съ какою яростїю подвигнешся ты къ смертоносному удару, тебя ожидающему? . . . . Да ежели бы Юлїя и свободна была отъ брачныхъ узъ! Могу ли я ласкать себя быть ее супругомъ? Мнѣ ли употреблять во зло милости Сиднея? Не неблагодарной ли я буду, возбуждая

благотворительность его къ новымъ опытамъ.

Онъ произносилъ сіи послѣднія слова громкимъ голосомъ. Нѣтъ, рекъ ему Сидней, коего онъ не усмотрѣлъ, и которой бѣжалъ обнять его, нѣтъ, не надлежитъ тебѣ опасаться отягчить дружество обязаннаго вами человѣка, подавая ему средства удовлетворить свою чувствительность; да и какая же быть можетъ усладительнѣе радость, возлюбленной мой Волсанъ, какъ быть полезнымъ? Только бы Юлія еще пребывала свободною! Ты въ состояніи будешъ предложить ей свою руку; я тебя въ томъ увѣряю. Волсанъ токмо зрѣлъ на толь примѣрное великодушіе, и проливалъ слезы: — По этому въ васъ зрю я тварь небесную! Я другъ вашъ, отвѣтствовалъ Сидней, прижимая его еще въ своихъ объятіяхъ.

Достигаютъ они Парижъ. Молодой человѣкъ, влекомый любовною страстію, бѣжитъ къ жилищу Юліи: увѣдалъ онъ,

что отецЪ ее кончилЪ дни, а мать сЪ дочерью удалилась вЪ уѣздной городЪ; спѣшитЪ онЪ узнать вступила ли Юлїя вЪ супружество: вЪ чемЪ не могли удовлетворить его любопытство. Первыя помышленїя его представляли себѣ плачевной образЪ: Юлїя истребила его изЪ памяти! Юлїя любитЪ другаго! другой ее супругомЪ! Все сїи предчувствїи подтверждаютЪ его крайнее несчастїе, но почто они оставили ПарижЪ? При ихЪ богатствѣ, не надлежало ли жить имЪ вЪ столицѣ? Юлїя убѣжденная любовїю, увезена и сЪ матерїю своимЪ супругомЪ вЪ дальнѣйшую провинцїю, гдѣ всѣ его блаженство вЪ томЪ токмо, чтобЪ жить для своей супруги, обожать ее единственно; да можетЪ ли Юлїя иныя поселять чувства? Вся вселенная изчезаетЪ предЪ нею; при обладанїи Юлїею, можно ли зрѣть, что иное? чего останется желать?

ВЪ таковыхЪ удручительныхЪ размышленїяхЪ утопалЪ несчастной ВолсанЪ:

однакожъ не оставлялъ ничего, дабы извѣститься объ одной своей участи. Иногда воображалъ Юлїю во мрачномъ гробѣ лежащую; тогда желалъ онъ, чтобы была жива, хотя бы въ рукахъ счастливаго совмѣстника. Прямая и истинная любовь границъ не имѣетъ въ пожертвованїяхъ.

При всѣхъ старанїяхъ Волсана, судьба Юлїи и ее родительницы была ему неизвѣстна; не могъ скрыть онъ скорьби своей отъ взору родительскаго и наинѣжнѣйшаго друга. И такъ сладость дружбы, горячность кровнаго родства, недостаточны къ удовольствованїю человѣческаго сердца! Одной ли страсти любовной предоставлено доставлять намъ вкушенїе тѣни блаженства, за коимъ гоняемся мы на землѣ?

Онъ потерялъ надежду получить успѣхъ въ своихъ изысканїяхъ; нѣкогда ходилъ объятый глубокою задумчивостїю. Какъ, Государь мой, вы въ Парижѣ, рекли ему! Коимъ гласомъ, какъ

отъ сна возбудившись, усматриваетъ въ чертахъ особы ему гласящей, старую служанку, которую видалъ онъ во услуженіи у Юліи. — Ангелика! гдѣ твоя госпожа? Конечно супругъ . . . . Не имѣетъ силъ продолжать далѣе; душа его стремительно летѣла, ежели, какъ можно сказать, къ отвѣту . . . . — Ахъ! Государь мой, не продолжай, восклицалъ Волсанъ. Останавливается и готовъ пасть отъ изнеможенія силъ. Вотъ, прерываетъ онъ, ударъ, коего столь страшился! и могъ ли не ожидать его? Повѣдай ей Ангелика, повѣдай ей . . . Во вѣки не престану любить ее, и , . . . да по крайней мѣрѣ благополучно ли она? — Благополучіемъ ее . . . . — Да ее благополучіемъ я самъ буду счастливъ. — Что хотите сказать, Государь мой, возражаетъ ему Ангелика, съ горестнымъ видомъ, вы говорите о супружествѣ! по этому вамъ неизвѣстно состояніи Юліи! Она находится въ крайней бѣдности . . . . — Юлія злополуч-

на ! Ангелика, да паду къ ногамъ ее ; я сохраню дни ее ; она тѣмъ тысячу кратъ для меня почтеннѣе , и болѣе неоцѣненна . . . Гдѣ она обитаетъ? Родительница ее . . . . — Они прежде удалились въ Нормандїю, въ маленькой городокъ де * * лишившись пенсїи , которую получали отъ одного своего родственника , они въ Парижъ возвратились скрыть свою скудость , и я имѣла счастїе обрѣсти ихъ; я бы очень желала быть имъ болѣе полезною , продолжала она , проливая слезы: но я всевозможное прилагаю о нихъ попеченїе , всею душею моею къ нимъ прилѣплена. Ахъ ! въ колико жалостномъ они положенїи! Какъ видно вы не вѣдали, что родитель Юлїи кончилъ дни свои , и что встрѣтившееся растройство въ его дѣлахъ въ совершенное привело его раззоренїе? Служанка сїя о многомъ его извѣстила ; увѣдалъ Волсанъ , что мать и дочь должны пропитанїе доставать себѣ трудами рукъ своихъ , и что Юлїя , среди толикихъ напастей , не истребила

его изъ памяти, и даже всегда произносишъ имя его съ горячностїю, исполняяся о немъ горестїю. Онъ бы всеконечно не вынесъ толь печальной вѣсти, ежели бы не горѣлъ нетерпѣнїемъ обнять колѣна Юлїи, и подать ей вспоможенїе: — Ну, драгая моя Ангелика, укажи мнѣ дорогу. — Какъ, Государь мой! — Я хочу узрѣть ихъ, пасть къ ногамъ ихъ, усладить горькую участь всего толь мнѣ любезнаго . . . — Позвольте, Государь мой, ... — Я ничего не внемлю, полѣтимъ. — По крайней мѣрѣ сколько нибудь помедлите посѣщенїемъ вашимъ. — Сколько нибудь помедлите; ты никакъ обезумила? Юлїя злополучна! . . . Ахъ! душа моя, уже упредила стези мои. — Дайте мнѣ время, Государь мой, извѣстить о семъ госпожѣ моихъ, потомъ доложу вамъ.

Сїя медленность токмо вяще воспламенила молодаго Француза; каждая минута въ ожиданїи узрѣть Ангелику, была ему несносною мукою; наконецъ

согласился съ Ангеликою, что онъ пойдетъ съ нею до входу въ жилище ихъ, и тогда только войдетъ, когда получитъ на то соизволенїе Юлїи и ее родительницы. Волсанъ слѣдуетъ за нею со всею поспѣшностїю, приличною великодушному ревенїю во вспомоществованїи при восторгахъ любовнаго пламени; онъ достигаетъ боковую улицу; восходитъ въ пятой этажъ. Ангелика стучится тихонько у дверей, кои тотчасъ ей отперли. Волсанъ со вниманїемъ слушаетъ; сердце его объемлется многоразличными волненїями, въ какомъ положенїи обрѣтаетъ онъ Юлїю? Таковое жилище можетъ ли быть ей обитанїемъ? Юлїя, которая казалась рождена къ тому, чтобы наслаждаться всевозможною пышностїю и знатностїю, а она низвержена въ пропасть заключенїй! Но онъ былъ любимъ; онъ возможетъ утолить горести ее. Слышитъ онъ сїи слова: дорагая моя Ангелика, не радостную ли какую вѣсть ты намъ принесла? —— Я не испол-

нила повелѣнія вашего, Государыня моя.—— Да почему же нѣтъ? . . . . —— Мнѣ не возможно было продолжать путь мой; мнѣ повстрѣчался . . . Вы вѣрно, ни та, ни другая не ожидаете: желали ли бы вы узрѣть господина Волсана? —— Волсана, воскликнула Юлія! Ты вѣдаешъ . . . . —— Онъ васъ все также любитъ, прерываетъ Ангелика —— Онъ любитъ меня, отвѣчаетъ Юлія, испуская вопль! Волсанъ! ахъ! безъ сомнѣнія онъ не вѣдаетъ бѣдствій нашихъ . . . .

Волсанъ не даетъ ей продолжать; съ жаромъ отворяетъ дверь и бѣжитъ пасть къ ногамъ Юліи, которая безъ чувствъ пала въ объятія матери своей, также изумленной отъ удивленія и радости. —— Нѣтъ мнѣ извѣстны злоключеніи ваши, божественная Юлія; они будутъ новымъ титуломъ, достойнымъ моего почитанія, обожанія моего, и усугубятъ нѣжность сердца моего къ вамъ. Естьли бы возможно было еще болѣе боготворить тебя. —— Господинъ Вол-

санъ, рекла родительница ее! возможно ли? . . . Ахъ! Государь мой, вы зрите насъ совсѣмъ въ иномъ состоянїи, нежели какъ оставили насъ! — Я нахожу васъ достойнѣе, нежели когда либо бывали, уваженїя моего, моей преданности; вы также, какъ и я жертвами учинились непостоянности несправедливой фортуны!

Юлїя пришла въ чувство. Не возможно выразить восторга двухъ сердецъ, соединенныхъ саможивѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ любви пламенемъ, и кое еще болѣе сопрягаются взаимнымъ злополучїемъ. Ничто сравниться не можетъ со страстїю, испытанною продолжительностїю времени и гоненїемъ злосчастїя; даже таковая связь исполнена бываетъ высокимъ духомъ и благороднымъ чувствованїемъ, отъ коего нѣжность заимствуетъ новые силы, и избѣгаетъ перемѣнныя непостоянства — Какъ! это вы Волсанъ, вы пришли отерѣть слезы наши; присутствїе ваше не заставитъ насъ краснѣть; посудите же,

коль много мы васЪ почитаемЪ ! ВолсанЪ, мы лишились всѣхЪ своихЪ друзей! ВотЪ токмо единое сердце, тронутое горестію нашей! Юлія произнося сіи слова, простирала руку кЪ Ангелики, которая покрывала ее лобызаніями и орошала слезами. Вы лишились всѣхЪ вашихЪ друзей, прервалЪ ВолсанЪ, вы толь достойныя любви, обожанія! Вѣроломныя!... божественная Юлія, не ужели я одинЪ умѣю любить?

Обѣ сіи несчастныя извѣщаютЪ Волсана о всѣхЪ бѣдствіяхЪ своихЪ: оставленныя родственниками своими, такЪ, что и признавать ихЪ таковыми не хотѣли, вспомогаемыя токмо единымЪ изЪ нихЪ, которой кончилЪ жизнь, вЪ саможесточайшемЪ и наиуничижительнѣйшемЪ убожествѣ, никто не отверзалЪ утробы своей кЪ слезнымЪ жалобамЪ нашимЪ. — ПрисутствіемЪ вашимЪ, примолвила Юлія, обращаяся кЪ возлюбленному своему, забываемЪ ужасное положеніе наше; вы зрите сами, мнѣ должно

работать для сохраненія дней дражайшей родительницы моей, и собственной своей жизни, для нее нужной; Ангелика ходитъ продавать труды мои, и приноситъ намъ деньги за оные. Волсанъ простертъ палъ предъ ее ногами. — Позвольте мнѣ облобызать съ набожностію сіи руки, толь почтенныя; да орошу ихъ слезами моими. Ахъ! Юлія, колико зрю тебя въ очахъ моихъ въ семъ положеніи возвышенною еще болѣе сто кратъ, нежели во время окружающаго тебя счастія! Юлія, вспомоществуя своей родительницѣ, всегда будетъ предметомъ боготворенія моего; божествомъ моимъ; (восклицаетъ съ восторгомъ) любезные мои друзья, простите мнѣ сіе изреченіе: будьте увѣрены . . . я облегчу участь вашу . . . Сердце мое привержено къ вамъ: я имѣю друга . . . Я извлеку васъ изъ толико бѣдственнаго положенія вашего.

Волсанъ бѣжитъ къ родителю своему, которой находился съ Сиднеемъ: —

Родитель мой . . . родитель дражайшій . . . и вы божественный другЪ мой, я обрѣлЪ . . . я узрѣлЪ Юлію. ОнЪ кидается стремительно вЪ объятія Сидней. —— Неоцѣненной благотворитель мой! Она злополучна; и при изрѣченіи словЪ сихЪ утопаетЪ вЪ рыданіяхЪ; утоляетЪ вопль свой, и изображаетЪ все подробности слезнаго ихЪ житія. —— Сего довольно, прерываетЪ Сидней; другЪ мой, изгоните изЪ мыслей образЪ сей плачевной; вы все еще расположены сочетаться бракомЪ сЪ Юліею? —— АхЪ! Государь мой, возможно ли сердцу моему измѣнить? Сочетаться сЪ Юліею! Да, я бы возвелЪ ее на первѣйшій тронЪ вселенной, когда бы счастіе судило мнѣ онымЪ управлять: но какЪ намЪ соединить судьбу нашу? НамЪ единое, о небеса! предоставлено сопряженіе безпрерывныхЪ бѣдЪ и напастей. Хотя бы я могЪ извлечи ихЪ изЪ той ужасной нищеты! —— И вы могли усумниться вЪ исполненіе сего, отвѣча-

етъ честный согражданинъ нашъ? Развѣ забыли, что Сидней вамъ другъ?

Никогда еще Сидней не изъявлялъ толикой нѣжности и ласки; не однократно обнималъ Волсана и его сына; взиралъ на нихъ, исполненный сильнымъ предубѣжденïемъ дружбы. Не забудьте, рекъ онъ имъ, взявъ руки ихъ, что я вами одолженъ, а не вы мною; я могъ быть нѣсколько полезнымъ двумъ друзьямъ, достойнымъ сего имени: вотъ верьхъ блаженства; а онымъ я вамъ обязанъ. Удостойте меня любовïю вашею: она будетъ наградою мнѣ, и какое возмездïе быть можетъ прïятнѣе? чтобы Сидней всегда занималъ сердце ваше! могу ли симъ ласкаться? Оба Французы отвѣтствуютъ рыданïемъ своимъ. Душа моя навсегда, продолжалъ онъ, будетъ вамъ отверста; вы будете имѣть въ Англïи, (простирая рѣчь къ престарѣлому мужу), сына нѣжнаго и преданнѣйшаго, а вы, дорагой мой Волсанъ, брата и друга наирѣвнительнѣйшаго.

Разлучаясь съ ними, еще прижималъ ихъ къ груди своей и рекъ имъ: о друзья мои! колико учинили вы меня благополучнымъ!

Назавтрѣе оба Француза поспѣшали бѣжать къ честному Сиднею; когда молодой Волсанъ получаетъ сїи строки:

,, Дѣла мои требуютъ моего возвра-
,, щенїя въ отечество; мнѣ хотѣ-
,, лось какъ себя, такъ и васъ избавить
,, проводовъ, грустїю исполненныхъ при
,, тяжкой разлукѣ нашей; чувствитель-
,, ность сердца моего едва мнѣ не измѣ-
,, нила; никогда не ощущалъ я толь
,, живѣйшей нѣжности, какъ оставляя
,, васъ. Можетъ быть, любезные друзья,
,, никогда болѣе другъ друга не увидимъ!
,, Одно токмо то служитъ мнѣ отрадою,
,, что отъѣзжая, оставляю вамъ хотя
,, слабой знакъ дружбы, которая снидетъ
,, со мною во гробъ. Когда уже меня не
,, будетъ на свѣтѣ. Да пребуду я живъ,
,, въ памяти вашей! Но мнѣ ли надле-

„житЪ быть виною источника слезЪ
„вашихЪ; дружество есть наипріятнѣй-
„шее зрѣлище Всевышняго Существа,
„ради коего чувства и допуститЪ Оно
„наслаждаться мнѣ еще вашимЪ лице-
„зрѣніемЪ, какЪ и изЪявить вамЪ новый
„опытЪ моей кЪ вамЪ приверженности.
„Юный ВолсинЪ кЪ вамЪ я простираю
„рѣчь мою: благоразуміе вами управля-
„етЪ; злополучіями вы наставлены,
„то и удобнѣе вамЪ будетЪ быть раз-
„судительнымЪ, и познать цѣну при-
„стойной умѣренности, долю истинныхЪ
„утѣхЪ и добродѣтели; сочетайся сЪ
„Юліею; могЪ ли ты мнить, другЪ
„мой, чтобы я самЪ не жадничалЪ уско-
„рить союзЪ сей, безЪ коего не можешЪ
„ты быть благополученЪ; я вѣдаю до-
„вольно, колико позволительная любовь
„необходимо нужна сердцу нѣжному: я
„самЪ то испыталЪ; а утѣшеніе сіе
„отнято у меня на вѣки. Но теперь дѣло
„идетЪ о твоемЪ благѣ: ты имѣешЪ
„родителя, которой тебѣ и другЪ; со-

„ ставьте единое семейство достойныхъ „ людей, которое служило бы другимъ „ примѣромъ. Я бы сталъ васъ просить, „ представить меня Юліи и ее роди- „ тельницѣ; но опасался, чтобы не на- „ влечь имъ прискорбія тѣмъ, чтобы „ для меня было удовольствіемъ. Они „ претерпѣваютъ нужду: а вамъ довольно „ извѣстно колико съ людьми, въ бѣд- „ ственномъ положеніи находящимся, по- „ требно брать осторожности. Прощайте; „ хотя бы занесенъ былъ судьбою на „ край вселенной, вы и тамъ мнѣ будете „ любезны; вы будете получать мои „ строки, награждайте меня также не „ рѣдко и вашими; увѣдомляйте меня о „ дружбѣ вашей, о нѣжной любви ко „ мнѣ, о состояніи вашего пребыванія, „ но никогда не упоминайте о благодар- „ ности: Ахъ! да я самъ весь оною „ исполненъ. Я крайнѣ вамъ обязанъ, „ естьли столько меня любите, что „ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ, „ почитать будете слабые мои услуги,

„ собственнымъ своимъ имуществомъ; еще „ разъ прощайте, другъ вашъ Сидней. „

P. S. „ Препоручаю вамъ бѣдную Ангелику; она по нѣскольку достойна вниманія вашего. „

Еще Волсанъ не окончалъ, когда одинъ незнакомой вручилъ ему отъ Сиднея три тысячи фунтовъ стерлинговъ.

Молодой человѣкъ и отецъ его, сильно пораженные благотворительностію друга своего, пребывали безмолвны: сынъ первой воскликнулъ: о божественная душа, ты скрываешься отъ обожанія нашего! Ты помрачаешъ благодѣянія свои, лишая насъ сладостной утѣхи пасть униженно къ стопамъ твоимъ, боготворить тебя какъ примѣрнаго благодѣтеля; вѣрь, сердца наши повсюду за тобою преслѣдуютъ. Какой человѣкъ, рекъ престарѣлой мужъ! милое мое чадо; это твореніе не одного съ нами существа! Сидней! почто не можемъ, сильно объятые

благодарностію, у ногъ твоихъ духъ испустить. Не нужно описывать всѣхъ восторговъ Волсана при поспѣшномъ его шествіи къ своей возлюбленной; онъ упоевается восхищеніемъ, что собственнымъ своимъ счастіемъ учинить можетъ благополучною и предметъ любви своей; онъ удовлетворяетъ любовную страсть! сопрягается съ Юліею; купилъ себѣ небольшое помѣстье, куда удалился съ своею супругою, съ родителемъ и Юліиною родительницею; Ангелика также не была забвенна благотворительнымъ Сиднеемъ: какъ и прочіе, наслаждалась счастіемъ. Молодой Волсанъ, которой при нѣжномъ сердцѣ, одаренъ былъ остротою разума, завелъ мануфактуру, самъ надъ нею надзирая, и коей прибытокъ превзошелъ его ожиданіе. Вседнѣвно, всечастно приумножалось ихъ счастіе и благоденствіе, какъ и чувства благодарности; они благословляютъ Всевышняго Творца и Сиднея во всѣмъ имъ принадлежащемъ; во всѣмъ мнится имъ узрѣть благодѣте-

ля своего, все твердитЪ имЪ о немЪ и воспламеняетЪ кЪ нему. Тогда молодой БолсанЪ устремляетЪ взорЪ свой кЪ небесамЪ, познаетЪ, что напастямЪ есть конецЪ, а добродѣтель еще и на семЪ свѣтѣ награждается; также, что находятся люди человѣколюбивые, кои чтятЪ и помнятЪ человѣчество, и вЪ чертахЪ, коихЪ усматривается тотЪ образЪ божественный, большою частію толь несходственный сЪ подобіемЪ своимЪ. Сидней твердо хранилЪ обѣщаніе свое: часто награждалЪ строками своими друзей своихЪ, коихЪ отвѣты исполнены были наичистѣйшимЪ и живѣйшимЪ чувствіемЪ; они сЪ крайнемЪ нетерпѣніемЪ всегда ожидали полученія дражайшаго для нихЪ о немЪ сведѣнія; упрекали медленностію почту. Колико сильною объяты были горестію, когда увѣдомились, что Сидней вторичное предпринимаетЪ путешествіе вЪ Индію! НикакЪ не возможно было переписки производится сЪ таковою точностію. Сіи толь

нѣжныя, толь благодарныя сердца объемлются страхомъ, безпрестанно трепещутъ о своемъ другѣ; онъ единственнымъ предметомъ разговоровъ ихъ, и занимаетъ всю ихъ мысль. Отъ того часа единымъ занимаются чтенїемъ публичныхъ листовъ; гдѣ когда повстрѣчается хотя малое что касательно до разбитїя корабля, они поражаются ужасомъ о Сиднеѣ; души ихъ, ежели такъ можно изрещи, преплываютъ съ нимъ моря; каждая волна морская страшитъ ихъ и угрожаетъ опасностїю; съ крайнимъ нетерпѣнїемъ жаждутъ узрѣть его въ пристани; всѣ Агличане учинились ихъ сограждaнами, семьянинами. Полученныя ими отъ Сиднея строки исполняли ихъ неизреченною радостїю; они орошали ихъ слезами, стократно лобызали ихъ; молодой Волсанъ безпрестанно прижималъ ихъ къ груди своей. Мнѣ мнится, рекъ онъ, что я сердцемъ объемлю друга моего; начертанїе сїе оживотворяется; мнѣ слышится гласъ его; оно внемлетъ знаки

дружества моего! Увы, Сидней! колико пространное межЪ нами разстоянїе! Почто сердца наши вЪ такомЪ отдаленїи не могутЪ внимать другЪ друга, не могутЪ соединиться? Сидней! когда мнѣ позволено будетЪ простреть кЪ тебѣ объятїя мои? Я тебѣ не довольно повторялЪ: нѣтЪ ты еще мало вѣдаешь, колико много ты намЪ дорогЪ, колико боготворимЪ тебя!

Добродушная Ангелика вЪ восторгахЪ своихЪ не уступала господамЪ своимЪ; всечастно твердила она, воздымая кЪ небесамЪ руки: этотЪ ГосподинЪ Сидней хотя и АгличанинЪ, но онЪ весьма изрядной человѣкЪ! Я всѣмЪ сердцемЪ молю Всевышняго продлить дни его; онЪ достоинЪ обращенЪ быть кЪ познанїю истинной вѣры!

Промчался слухЪ о Сиднеѣ: Французы наши крайне были растревожены неизвѣстностїю, и вЪ неограниченное вдавались смущенїе; страхЪ ихЪ и ужасЪ

умножается; духъ ихъ предавался печальнымъ предчувствіямъ; пустыя мечты сновидѣнія устрашаютъ ихъ. Чувствительность иногда близка отъ малодушія; нѣжныя сердца всегда бываютъ робки: въ очесахъ ихъ всечастно предстоятъ опасности, о коихъ равнодушные спокойны пребываютъ. Сомнѣнія сего благодарнаго семейства весьма были основательны: они поражаются громовымъ ударомъ, извѣщаясь, что Сиднея больше не стало.

Никакъ не возможно описать ужаса подобнаго положенія: молодой Волсанъ падаетъ на землю, испуская вопль; супруга его въ отчаяніи лишается чувствъ на оледенѣломъ тѣлѣ супруга своего, котораго старается среди рыданій возвратить къ жизни; юныя ихъ чада окружаютъ ихъ въ слезахъ, а престарѣлой мужъ въ изумленіи стоялъ опершись руками, и поддерживая голову свою, проливалъ горчайшіе токи слезъ. Весь домъ предавался въ неутѣшную печаль; Вол-

санъ открылъ зѣницы свои, и паки сомкнулъ ихъ; въ глубокомъ отчаянiи своемъ безпрестанно твердилъ имя Сиднея. Супруга его представляла ему семейство, которое единаго его имѣло подпорою: онъ съ яростiю всѣхъ отъ себя отталкивалъ и знаками показывалъ, что желаетъ единой себѣ смерти; не преставали подводить къ нему юныхъ чадъ его; Юлiя у ногъ его умоляла сохранить дни свои для сихъ невинныхъ тварей, вѣщая ему о своей къ нему горячности. Наконецъ онъ приходитъ въ себя и погружается въ мрачную задумчивость; онъ наблюдалъ страшное безмолвiе, и скрывался въ наиотдаленнѣйшiя мѣста. Иногда хотѣлъ промолвить слово, но голосъ пресѣкался въ устахъ его; супругу свою и чадъ съ тяжкимъ стенанiемъ прижималъ къ сердцу своему; потомъ какъ бы въ уреканiе за потерю друга своего, простиралъ яростный къ небесамъ взоръ; родитель его, какъ бы громовымъ ударомъ пораженный сею вѣстiю, съ того времени одер-

жимъ былъ болѣзнїю, и умолялъ небо усильно, дабы преслѣдовать ему во гробъ за несчастнымъ ихъ благотворителемъ: однакожъ Волсанъ находилъ отраду дѣлить источникъ слезъ его; они другъ другу взаимно приводили на мысль все то, что Сидней для нихъ дѣлалъ, и всегда съ умноженїемъ несносной ихъ о немъ грусти. Юлїя участвовала въ горестной печали супруга своего.

Нѣкогда забрелъ онъ нѣсколько далеко въ близь находящемся отъ большой дороги лѣсу, гдѣ предавался глубокомыслїю, повѣся голову къ землѣ, и удрученный тяжестїю скорьби сердца своего. Пространныя долины, а особливо лѣса, кажутся предоставлены служить зрѣлищемъ взору, грустїю исполненному; темнозеленыя листвїя древесъ представляютъ печали приличныя удобности, какъ бы служащїя къ троурному одѣянїю, въ каковое она старается облещися; всѣ сїи безмолвные свидѣтели, кажется, оживотворяются для соучаствованїя въ горе-

сти, и быть хранилищемъ потока слезъ; сїи уединенныя убѣжища предаютъ унылости нѣжную томность, гдѣ вкушаетъ она вожделенную сладость внутренно питать грусть свою, предаваясь совсѣмъ оной.

Волсанъ приходитъ въ себя, и съ стремленїемъ духа стѣсненнаго, пылающаго получить свободу, восклицаетъ гласомъ прерывающимся: Сидней! Сидней! я болѣе зрѣть тебя не буду; возможно ли? болѣе зрѣть тебя не буду! Мнѣ не будетъ болѣе позволено прижимать тебя нѣжно къ сердцу, исполненному единственною токмо своею потерею, лишась тебя! Такъ и добродѣтель не защищается отъ хищной смерти! Ты, похвала человѣческаго рода, ты отнятъ у него! увы! да и на вѣки! О! другъ мой, нѣжной другъ, почто я не могу сто кратъ умереть, дабы симъ возвратить бытїе тебѣ, узрѣть тебя, облобызать хотя единую минуту, повѣдать тебѣ еще разъ, колико ты драгоцѣненъ сердцу моему! Увы!

никогда я о семъ не вѣщалъ тебѣ съ таковыми восторгами, кои здѣсь казнїю моею; нѣтъ никогда не твердилъ тебѣ довольно о чувствованїяхъ, толь сильно мною ощущаемыхъ! Душа божественная, внемлишь ли меня съ высоты небесъ? Не можно иное обитать тебѣ жилище; а на землѣ кто болѣе тебя уподоблялся Всевышнему Творцу? Онъ справедливъ; когда бы и не дано было намъ безсмертїя души, то ты вкусилъ бы сїю награду! Безъ сомнѣнїя ты опочїешь въ лонѣ Авраама! О наилучшїй изъ смертныхъ! удостой меня твоимъ взоромъ; виждь слезы очесъ моихъ, слезы цѣлаго семейства, коего ты былъ устроителемъ, кое тобою блаженствовало . . . . а тебя болѣе нѣтъ! Хотя бы то могло мнѣ быть извѣстно, что мое о тебѣ сокрушенїе, вопль мой, до тебя доходятъ . . . О дражайшїй мой Сидней!

Онъ въ объятїяхъ твоихъ, вскричалъ нѣкто, обнимая Волсана. — Сидней! . . . (и подлинно то былъ онъ,

самой). Единое токмо сїе слово могъ произнести Волсанъ — Такъ, это другъ твой, дорогой мой Волсанъ, которой бѣжитъ съ краю вселенной, дабы насладиться зрѣлищемъ дружества, вкусить новыя утѣхи, оказать тебѣ новыя услуги.

Волсанъ пришедъ въ чувство, паки упадаетъ въ объятїя благодѣтеля своего: — Сидней, ты не отнятъ у меня! Это ты! ты, другъ божественный! — Отъ жестокой болѣзни я находился при дверяхъ гроба, и нѣсколько времени носился ложной слухъ о преселенїи моемъ въ царство мертвыхъ; всеконечно премудрость Всевышняго воскресила меня изъ мертвыхъ, естьли можно такъ сказать, дабы исполниться къ тебѣ еще нѣжнѣйшею горячностїю; и такъ я тебѣ всегда любезенъ? Волсанъ съ живѣйшимъ восторгомъ прижимаетъ его къ груди своей, и орошаетъ слезами своими. Сидней продолжаетъ: я искалъ тебя; одинъ поселянинъ извѣстилъ меня, что ты находишься теперь въ семъ лѣсу, то

мнѣ захотѣлось потѣшиться, подкрасться къ тебѣ; простишь ли меня въ томъ? — Волсанъ оставляетъ объятія Сиднея: вамъ надлежитъ зрѣть дѣла рукъ вашихъ, и получить награду благодѣяніямъ вашимъ, чтобы юныя мои чада . . . они суть ваши . . . . (Кликнулъ одного изъ слугъ своихъ, которой нечаянно тутъ шелъ) Бѣги скорѣе ко мнѣ . . . . благодѣтель нашъ, . . . онъ возвращенъ намъ! . . . . Онъ возвращенъ! . . . . чтобы поспѣшали пасть къ стопамъ его, родитель мой, супруга, птенцы мои, Ангелика. . . . — Нѣтъ, прерываетъ Сидней, я самъ побѣгу на встрѣтеніе дражайшему семейству твоему, и въ скорости направляетъ стопы свои къ жилищу Волсана.

Они входятъ въ комнату престарѣлаго мужа, которой хочетъ говорить: отверстыя уста его цѣпенѣютъ, и едва имѣетъ довольно силъ простерть томныя свои объятія къ Сиднею. Волсанова

подруга, прелестьми и цѣломудрїемъ украшенная, и 25 лѣтъ еще не имѣвшая отъ рожденїя; трое дѣтей, изъ коихъ большому только лишь шесть лѣтъ минуло, самъ молодой Волсанъ, и даже Ангелика бѣгутъ къ великодушному Агличанину, объемлютъ колѣна его, орошаютъ ихъ слезами, и единой токмо слышится гласъ, единое изрѣченїе, которое упоенїе чрезмѣрной чувствительности могло вымолвить: дражайшїй нашъ благодѣтель! Сидней подымаетъ ихъ, изливая всѣ чувства благотворной души своей, простираетъ къ нимъ объятїя свои, прижимаетъ къ груди своей! Возлюбленная моя супруга, милыя чада, вопїетъ Волсанъ, вы зрите въ немъ истиннаго супруга, прямаго родителя вашего! Вотъ виновникъ дней вашихъ, сего чистѣйшаго блаженства, которое вкушаете! Изъявляйте ему глубочайшую преданность вашу; падите къ ногамъ его; въ немъ вы зрите образъ самаго небесъ Царя . . . О! дражайшїй мой Сидней,

сильно ли вы ощущаете прїятность благотворенїя? Да упоятся всѣ чувства ваши сею сладкою утѣхою. Сидней выхвалялЪ безпритворную и привлекательную красоту Юлїи; она подобилась самой добродѣтели, облекшейся прелестьми бога любви; онЪ бралЪ вЪ свои объятїя сїи невинныя созданїя, сихЪ юнѣйшихЪ чадЪ, которыя осыпали его чистосердечною и непорочною своею ласкою; они откровенно взирали на него сЪ прїятною улыбкою, свойственною первому возрасту сихЪ блаженныхЪ лѣтЪ. Большой рекЪ ему гласомЪ нѣжнымЪ ребячества, исполненнымЪ толикою прїятностїю: Государь мой, нашЪ доброй тятинька всегда намЪ приказывалЪ приносить моленїе наше милосердому Богу, чтобы мы отнюдь сего не забывали; мы безпрестанно молили Его, чтобы ОнЪ продлилЪ дни живота вашего; плакали, что не внемлетЪ гласу моленїя нашего: о! коликое мы теперь принесемЪ Ему благодаренїе!

Какая награда, какая усладительная пища для чувствительной души возлюбленнаго Британца нашего! Легко можно было усмотрѣть, что всего Волсанова семейства главное было занятїе изъявлять чувства благодарности.

Сидней нѣсколько недѣль пробылъ съ своими друзьями; открылъ имъ внутренность сердца своего; онъ во всю свою жизнь единожды токмо уязвленъ былъ любовною страстїю: при самомъ вступленїи въ бракосочетанїе съ предметомъ пламени его, смерть ее въ родительскихъ рукахъ похитила; онъ примолвилъ, что ощущаетъ нѣкоторую отраду всечастно сокрушаться и оплакивать память ея. Несчастны тѣ, коимъ неизвѣстны прїятныхъ слезъ потоки! Другъ мой, (оборотясь къ Волсану), сїе-то сходство чувствованїя еще усугубило мою къ вамъ привязанность; я зрѣлъ въ супругѣ вашей возлюбленную сердца моего; естьли пламя любви никогда не обладало душею моею, можетъ дружелюбїе мое

не имѣло бы толикой нѣжности и не ощущало бы его столь живо. Кто разумѣетъ цѣнить любезной предметъ страсти своей, и дорожитъ имъ, все-конечно готовъ обнажить сердце свое другу.

Наималѣйшія изрѣченія Сиднея возбуждали вящшее предубѣжденіе. Престарѣлой мужъ свободился отъ своей болѣзни, и нѣкоторымъ ѳбразомъ воспріялъ бодрость младыхъ лѣтъ; сынъ его извѣщалъ Сиднею о разныхъ дѣлахъ своихъ.

Припомните, что Волсанъ по примѣру нашему пустился въ торговлю; хотя онъ былъ дворянинъ и Французъ, но имѣлъ довольно духу не краснѣть званіемъ торгаша.

Ежедневно Сидней вкушалъ новыя въ семъ домѣ утѣхи; Волсанъ не токмо представилъ ему вѣрную картину цвѣтущаго состоянія своего, но обнажилъ еще предъ нимъ всю душу свою, далъ ему ощутить

спокойствіе духа своего. Уже онъ не тотъ былъ нелюдимой мизантропъ, врагъ непримѣримой цѣлаго рода человѣческаго: но то былъ благоразумной человѣкъ, наученный злополучіями и укрѣпленный въ твердости оными, которой не преставалъ приносить благодареніе Богу и Сиднею. Онъ обозрѣвалъ каждой предметъ въ настоящемъ своемъ видѣ, и на какой оно конецъ; не питалъ болѣе ненависти къ людямъ; онъ соболѣзновалъ о нихъ и снисходилъ имъ, ради благотворнаго Англичанина; возможно ли ему воспаляться гнѣвомъ противу рода, произведшаго Сиднея? Ничего недоставало къ совершенному его благополучію: счастіе сестры его такъ перемѣнилось, что она принужденною нашлась прибѣгнуть къ великодушію брата своего. Тутъ онъ вкусилъ наисладчайшее мщеніе: онъ ее не покинулъ. Повсюду въ домѣ благородная откровенность души его изъявлялась; прелести природы искуствомъ не помрачались; тамъ находилась библіотека не во многочислен-

ныхъ томахъ, но въ отборныхъ книгахъ, какъ-то: Опыты Монтанїевы; Телемакъ, Аглинской Сократъ нынѣшнихъ временъ и проч. Молїеръ и ла Фонтенъ занимали первое мѣсто межъ полезными Авторами. Все, споспѣшествующее къ познанїю должности, нравоученїю и къ учиненїю его прїятнымъ, обрѣталось въ сей библїотекѣ, которой количество не было умножено пустыми и пышными творенїями. Волсанъ одинакаго былъ мнѣнїя съ Китайцами, кои отметаютъ всѣ прочїя знанїя, а прилѣпляются къ общеполезнымъ наукамъ для человѣка, о коей токмо и прилагаютъ неусыпное попеченїе. Сїя единая наука кажется имъ достойною вниманїя твари, разумомъ одаренной. Садъ нашего истиннаго любителя мудрости соотвѣтствовалъ довольно вкусу его въ чтенїи книгъ; въ немъ не зрѣлось растѣнїй, къ украшенїю служащихъ, толь дорогою цѣною доставаемыхъ, и коихъ все достоинство въ томъ токмо, что

произрасли въ иномъ климатѣ; садъ сей представлялъ плоды земледѣлія нашего, со тщаніемъ обработанные, а особливо нужные для пищи и здоровья. Въ концѣ звѣринца находилась рощица кленовая, при подошвѣ коей протекалъ ручеекъ, воды котораго терялись въ нѣкоей подземельной пещерѣ; паденіемъ оныхъ раздавалось тихое журчаніе, для томныхъ мыслей пріятностію исполненное. Вотъ то мѣсто, которое Волсанъ именовалъ своимъ уединеніемъ, школою человѣка; онъ повседневно туда прихаживалъ, (по слову его), исправлять душу свою, вникать самому въ себя, исполняться благодарными чувствіями, которыя усугубляли привязанность къ его дражайшему Сиднею. Нѣтъ! часто вѣщалъ онъ семейству своему, въ одномъ уединеніи возможно ощущать нѣжнѣйшую чувствительность: душевныя способности въ уединеніи распространяются и утверждаются опытами размышленія; люди, въ свѣтѣ обращающіеся, любить не умѣютъ;

высокія героическія страсти раждаются и питаются токмо въ тишинѣ и глубокомысліи. Сердце свободное необходимо должно быть наклонно къ чистѣйшему дружелюбію и добродѣтели.

Волсанъ не забывалъ во вседневныхъ своихъ занятіяхъ тщательное посѣщеніе несчастныхъ, раздавалъ милостыни: но его великодушіе не удовлетворялось сими благодѣяніями; онъ болѣе утѣшалъ злополучныхъ, требуя отъ нихъ, чтобы ввѣряли ему горести свои; съ сердоболіемъ принималъ всѣ ихъ жалобы; подавалъ имъ отраду, и проливая съ ними слезы, показывалъ имъ, что въ бѣдствіяхъ и печаляхъ самое цѣлебное лекарство есть законъ; съ восторгомъ вѣщалъ имъ о Божествѣ; съ отмѣннымъ восхищеніемъ духа описывалъ имъ всемогущество, благость и милосердіе Его, подобно какъ бы нѣжной сынъ изъявлялъ горячность, коею исполненъ къ родителю своему. Тогда Волсанъ воздымался превыше человѣка; можно бы возмнить, что онъ

вникъ въ тайну Всевышняго Творца: съ толикимъ жаромъ и великостію духа изображалъ многое множество милостей его, и разныя сношенія удивительнаго міра всего созданія. Наипаче поставлялъ онъ себѣ непремѣннымъ закономъ наималѣйшую изъ своихъ должностей; наисладчайшею его утѣхою было воздавать почесть престарѣлымъ лѣтамъ виновника дней его, уменьшать ему ужасъ приближающейся кончины его, любить супругу свою, пещись о воспитаніи чадъ своихъ, не ввѣряя ихъ въ надзираніе наемникамъ: однимъ словомъ сказать, старался поселять служителямъ своимъ, семейству своему всю свою добродѣтель, цѣломудренность подругѣ своей и единодушную свою горячность къ великодушному своему другу.

Наканунѣ отъѣзда Сиднея внесли по окончаніи стола ларчикъ, отъ котораго ключь вручилъ онъ нашему единоземцу, усильно прося его отперетъ. Сидней не могъ противиться толь сильнымъ убѣ-

жденіямъ: отпираетъ и зритъ нѣсколько свитковъ, наполненныхъ луидорами, чѣмъ приведенъ былъ въ удивленіе. Волсанъ кидается ему на шею: — Дражайшій мой Сидней, вотъ тѣ три тысячи фунтовъ стерлинговъ, которыми вы толь великодушно меня ссудили; сумма сія столько мнѣ выгодно послужила, что я теперь, какъ сами видите, наслаждаюсь самоцвѣтущимъ и вожделеннѣйшимъ состоянїмъ; мнѣ ничего не осталось болѣе желать. Такъ, достопочтеннѣшій благодѣтель, я не въ силахъ довольно выразить сердечныхъ моихъ чувствованій: имущество мое, а паче благоденствіе есть дѣло рукъ вашихъ; сей небольшой удѣлъ земли мнѣ принадлежитъ, а приращеніемъ торговли моей весьма изрядно могу воспитывать возлюбленное мое семейство, которое до послѣдняго своего издыханія не престанетъ благословлять васъ; и я въ состояніи помогать убогимъ! Изящное твореніе, воскликнулъ Сидней! колико ты достоинъ сего счастія, кото-

ставляетъ ужасныя пропасти и страшныя пещеры: не зримъ ли мы также на оной пространныя поля, покрытыя богатою жатвою; пригорочки, усыпанные цвѣтами; долины, украшенныя плодовитыми деревьями; пріятнѣйшіе лѣсочки, утоляющіе нестерпимой солнечной зной; рѣки питательныя, доставляющія изобиліе и пищу; великія пространства земель, гдѣ взоръ теряется во множествѣ чудесъ, ему встрѣчающихся; гдѣ природѣ заблагоразсудилось излить свои разночисленные дары, и благопріятствуетъ намъ нѣкоторымъ образомъ перемѣнными, разнообразными и всегда привлекательнѣйшими видами? Хотя бы вамъ надлежало токмо единую добродѣтельную и сострадательную обрѣсти тварь въ цѣломъ мірѣ, и сего бы довольно было возбудить въ васъ любовь ко всему человѣческому роду. —— Волсанъ! люди болѣе безумными, нежели злыми почитаться могутъ: они достойны всякаго сожалѣнія; большою частію ихъ преступленія происходятъ отъ ихъ

слабости; опять же, колико тягостное есть ощущенїе питать ненависть! Намъ толь сродно, толь сладостно любить и помогать! Ахъ, другъ мой! вникнемъ во глубину сердецъ нашихъ; нѣтъ вожделеннѣйшей утѣхи, какъ дѣлать добро; и сей токмо утѣхи наслажденїе есть твердое и непорочное; всѣ прочїя скоро изчезаютъ, даже и мысль о нихъ изъ памяти выходитъ, а иногда оставляя слѣды, духъ стѣсняющїе, на вѣчность поселяются въ душахъ нашихъ и тревожатъ ихъ. Вы были недовольны своими сродниками, въ числѣ знакомыхъ вашихъ именуемыми прїятелями, знатными, учеными людьми, тѣми, кои ежедневно на жертвенникахъ приносятъ Всевышнему безкровную жертву: то возможно ли по сему заключить, что не обрящется родственной любви, единокровнаго союза, истиннаго друга, знатнаго человѣколюбиваго, съ сердцемъ сострадательнымъ человѣка высокаго ума, коего добродушїе равнялось бы съ

его скромностію; человѣка неложной набожности, которой совершенно исполняетъ всѣ постановленія закона, небесами начертаннаго? Колико примѣровъ, Волсанъ, представляется къ опроверженію твоего мнѣнія межъ нашими Агличанами, среди собственной вашей націи! Локкъ, Нефтонъ превосходили добродѣтелію рѣдкія свои дарованія. Они помогали бѣднымъ, услаждали участь нищетою страждущихъ, которая кажется не пріемлюща никакой отрады; были праводушны, вели себя просто, потому что при великости духа имѣли сердце благотворное, свойственное остроумію. Единому высокоумію прилично быть нечувствительну и надменну: высокоуміе есть подобіе, художествомъ произведенное; а остроуміе есть не что иное, какъ здравая и твердая душа, силами своими владѣющая; добродѣтели для нее суть необходимостію; доброй порядокъ не раждаетъ порока. Можете ли въ забвеніи имѣть, что былъ у васъ Фенелонъ, которой

имѣлъ сердце наичеловѣколюбивѣйшее? Различїе вѣры не воспрепятствовало намъ отдавать достодолжное почитанїе достоинствамъ его. Мнѣ ли также надлежитъ припомнить вамъ о другомъ премудромъ мужѣ, толико же достохвальномъ. Государству вашему должно кичиться, что было мѣстомъ рожденїя его: Катинатъ не рѣдкой ли былъ примѣръ добродѣтели, мужества и скромности? Колико и днесь находится, какъ во Францїи, такъ и въ Англїи, знатныхъ вельможъ, изъявляющихъ благородство духа своего токмо единымъ великодушїемъ! Колико богачей находится, исправляющихъ имуществомъ своимъ недостатки другихъ! Колико священнослужителей, кои суть токмо сберегателями имѣнїя убогихъ! Всѣ сїи благїя дѣянїя остаются неизвѣстными по тому, что истинная добродѣтель укрывается; другъ мой, единый порокъ обнажается, и которой по человѣческому безумїю чинится гласнымъ. Ты самъ въ отдаленнѣй-

шихъ странахъ, погруженныхъ въ сумазбродствахъ идолопоклонства, не испыталъ ли ты, что человѣколюбїе владычествуетъ повсюду? Тотъ Банїанъ, почти изъ мертвыхъ воскресившїй родителя твоего, не достоинъ ли уваженїя въ очахъ твоихъ? Да и я самъ, Волсанъ, ежели бы не возбранялось о себѣ говорить, сомнѣвался ли, что ты дорогъ сердцу моему, и что я желалъ бы еще болѣе удостовѣрить тебя въ моемъ дружелюбїи! Ежедневно нѣжность чувствъ моихъ усугубляется, и мнѣ любезно питать мысль ту, что самая смерть не истребитъ ощущенїй моихъ.

Волсанъ и всѣ прочїе, вокругъ Сиднея стоящїе, внимали его съ чувствительностїю. Волсанъ усиливается превозмочь смягченїе сердца своего, дабы изъявить Сиднею совершенную перемѣну души своей. —— Я уже повѣдалъ вамъ: спокойная тишина и сладость воспрїяли мѣсто глубокой задумчивости, которая наполняла ядомъ даже воздухъ, коимъ дышалъ

я: чувствую теперь, что существуютъ услажденія для бытія нашего. Однакожъ, продолжалъ онъ, не возмните, чтобы раскаяніе или непостоянство образа мыслей моихъ мною руководствовало: васъ ради токмо возобновились въ сердцѣ моемъ къ людямъ чувствія, потушенныя жестокосердіемъ ихъ; они въ очахъ моихъ все таковы же, недостойны именоваться человѣками; по крайней мѣрѣ весьма мало сыщется таковыхъ, которыхъ изъ сего числа изключить могу. Но въ каждомъ изъ нихъ зрю и люблю моего дражайшаго Сиднея; нѣтъ! во всей вселенной онъ единый, къ которому безъ изъятія простирать всю горячность мою и безпредѣльно чтить буду.

Сидней, простирая къ другу своему объятія, нечаянно толкнулъ въ дверь рукою. Какое рокомъ представлено было зрѣлище единоземцу нашему! Дверь отворяется: онъ зритъ на стѣнѣ подобіе свое, увѣнчанное цвѣтами; вокругъ его изображались благопріятные духи, ласково

ему привѣтствующїе, съ сею надписью: *Нашему благодѣтелю.* При семъ упадаетъ онъ въ объятїя Волсана. — Что я зрю, достопочтеннѣйшїй другъ? — Предметъ по богѣ, обожанїя моего искреннѣйшаго и преданнѣйшаго. Вседневно родитель мой и все мое семейство приходятъ отдавать ему глубокое почитанїе, гласомъ сердца вопїя: вотъ виновникъ прямаго бытїя нашего, твердаго блаженства нами вкушаемаго! Да благоволитъ небо за сїе намъ воздать ему! Дражайшїй мой Сидней, ты зришь здѣсь храмъ воздаянїя благодарности; юныя мои чада при каждомъ восхожденїи дневнаго свѣтила разукрашиваютъ его цвѣтами. Китайцы чтятъ память Конфуцїя; а намъ какъ не почитать образъ чаловѣка наидобродѣтельнѣйшаго и благотворительнѣйшаго? Сердце мое руководствовало мнѣ въ изображенїи начертанїя сего; я имѣлъ нѣкоторое понятїе о начальныхъ правилахъ живописи, а чувство само рукой моей управляло; каждую минуту

подобїе сїе мнѣ въ мысляхъ представляетъ божественнаго друга моего, возлюбленнаго Сиднея . . . Такъ, продолжали престарѣлый Волсанъ и Юлїя, храмъ сей есть мѣсто боготворенїя дружбы; а вы, великодушный Агличанинъ, есть божество, коему въ немъ покланяются.

Сидней не можетъ исторгнуть себя изъ объятїй ихъ, и проливаетъ въ нѣдра ихъ потоки слезъ, слезы радости непорочной и вожделенной. Увы! воскликнулъ онъ, ангельскїя во образѣ человѣка души на землѣ! колико вы меня превосходите! Чувствительность сердецъ вашихъ превышаетъ нѣжность моихъ ощущенїй! Друзья любезные, пребудемъ неразлучны; я не имѣю ни супруги, ни чадъ! Вы будете мое семейство, чада мои, чада сердца моего, коего всѣ чувства да исполнятся вами. Будьте мои возлюбленные. Я оставлю васъ токмо, чтобы побывать въ Индїи, а потомъ поспѣшу соединиться съ вами.

Сидней сдержалъ свое слово; они послѣдовали за нимъ въ Англїю; жительство имѣютъ съ нимъ въ прїятнѣйшемъ селенїи, гдѣ царствуетъ доселѣ невинность и прекрасные дни златаго вѣка: мѣсто сїе нѣкоторымъ образомъ назвать можно Новою Филаделфїею. Тамъ Сидней окруженъ множествомъ несчастныхъ, коихъ отираетъ онъ слезы, а они называютъ его отцемъ; онъ дѣлитъ съ Волсаномъ трудолюбивую свою попечительность о небольшемъ своемъ поселенїи, и всегда приходитъ наслаждаться благоденствїемъ своимъ среди дражайшаго семейства своего: тако именовалъ онъ друзей своихъ, по истиннѣ сего чувствїя достойныхъ; благодарность ихъ соразмѣрна горячности его; да можетъ быть на семъ свѣтѣ одно токмо дружелюбїе ихъ могло вознаградить добродѣтели нашего единоземца.

Повѣсть сїя о Сиднѣ и Волсанѣ была принята со всеобщимъ одобренїемъ; все собранїе единогласно наименовало

Агличанина героемъ сердецъ благотворныхъ, такъ какъ и Француза выхваляли душу наичувствительнѣйшею и наиблагодарнѣйшею; колебались токмо, которому отдать преимущество: стали судить, очень горячиться; противныя межъ собою стороны вотще истощались, и воспослѣдовало то, что обыкновенно бываетъ въ сужденiяхъ: разошлися въ несогласномъ мнѣнiи. Чтожъ надлежитъ до меня, вѣщалъ одинъ изъ прiятелей компанiи, я считаю невозможнымъ подобныхъ смертныхъ довольно выхвалить. — Но и Нефтонъ, Государь мой, также великимъ мужемъ почитаться можетъ.

КОНЕЦЪ.

